

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

РОМАН АРТЕМЬЕВ
ХРОНИКИ АСКЕТА.
ВТОРЖЕНИЕ

Роман Артемьев

Вторжение

Серия «Хроники Аскета», книга 1

Текст предоставлен автором

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184020

*Хроники Аскета. Вторжение: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; М.,
2009*

ISBN 978-5-9922-0417-9

Аннотация

За все надо платить. За возможность достойно жить – потом и кровью, за силу и ловкость – болью в натруженных мышцах и временем, за власть и славу часто расплачиваются душой. Что отдаст человечество за возможность стать чем-то большим? Не слишком ли велика окажется цена? Выживет ли род людской, столкнувшись с совершенно отличным от своего разумом?

Герой книги не хотел ни богатства, ни власти, ни силы. Он просто жил, как живут обычные люди. Случайная встреча с враждебными чужаками нарушила привычное существование, заставив принимать решения, еще вчера казавшиеся слишком сложными. Теперь он, к собственному удивлению, воин. Впрочем, враждебны ли пришельцы? И кто опаснее – убивающие людей чужаки или люди, волей судьбы получившие часть чуждых способностей?

Содержание

Часть I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Роман Артемьев Хроники Аскета. Вторжение

Часть I Проба сил

Мои родители умерли, друзья переженились и нарожали детей, сам я остался одиноким – не знаю уж, по какой причине. В каком-то смысле меня можно назвать «человеком-невидимкой»: исчезни я сейчас – и после непродолжительного беспокойства на работе обо мне будут помнить только немногие друзья. Постепенно забудут и они, закрутятся в своей жизни. Впервые эта мысль пришла ко мне в день тридцатилетия и с тех пор неотвязно возникает в голове.

Обычно я провожу отпуск в городе или уезжаю куда-нибудь один. Хочется отрешиться от привычной обстановки, какими бы хорошими ни были отношения с окружающими. Однако на сей раз не удалось отвертеться от приглашения отдохнуть в Средней полосе, на недавно открытом и потому дешевом туристическом маршруте. Старые друзья Ром-

ка и Андрей любили всякого рода походы, бардовские песни у костра, были в этом деле спецами, в отличие от меня. Несмотря на женитьбу и рождение детей, они при первой возможности уезжали из города, вытаскивая меня с собой. В общем-то, они правы: надо чаще выбираться на природу. К сожалению, на работе возник очередной аврал, поэтому пришлось уехать на неделю позже, и к моему приезду группа уже ушла на маршрут. Придется перехватить их на полпути.

Однако по прибытии в маленький город Нижнеивановск обнаружилась не хорошо знакомая компания из отпускников, а деловитая суета спасателей МЧС: вся группа из десяти человек пропала, и было не ясно, где именно. Маршрут составлялся таким хитрым образом, что проходил через малолюдные места и включал в себя пещерный этап. Сейчас, после недавних дождей, часть пещер обвалилась, вести в них поиски было сложно, спасатели матерились и предлагали мне заняться своими делами.

– Почему считается, что ребята именно в пещерах? – Я сидел с представительницей турфирмы Катей и прикидывал свои дальнейшие действия.

Хмурая, расстроенная Катя объясняла, что из последнего контрольного пункта, Тряхино, можно добраться либо к пещерам, либо к болотам на северо-востоке, обогнуть их и подойти к Нижнеивановску с другой стороны. Когда группа выходила, они собирались именно к пещерам.

– Тогда давайте я съезжу в Тряхино, возьму там кого-ни-

будь, пройдуь до болот и обратно. Когда спасатели разберут завалы, неизвестно, а я могу что-нибудь найти. И делом займусь, и вас не стану нервировать.

Катя позвала директора, втроем мы договорились, что фирма организует мне проезд, а проводника и транспорт легко найти на месте. В тот же день я выехал в Тряхино, куда и прибыл на следующий вечер. Можно было бы приехать и раньше, но дорога не ремонтировалась со времен приостановки строительства коммунизма.

Я переночевал в деревенском домике, с утра же Сашка, деревенский мужик, согласившийся провести приезжего пилтера по маршруту, потащил за собой. Как я уже говорил, я не любитель пеших походов, предпочитаю автомобиль, поэтому поначалу идти оказалось непривычно трудно. Потом вроде втянулся, но к вечеру ноги просто отваливались, голова гудела от усталости. Стоило опуститься на лежанку, как организм отключился – провалился в крепкий сон.

Утро вышло жутким. Сашка смотрел на меня с широченной улыбкой на лице: его явно забавляли мучения городского хлюпика. Выглядел мужик лет на сорок пять, но из-за легкого характера и привычки закладывать по всякому поводу особым уважением он не пользовался, хотя была у него репутация неплохого парня и знающего местность человека. Низенький, заросший бородой до самых бровей, Сашка чем-то напоминал мопса моей соседки. Тот тоже при случае норвил стянуть со стола кусочек чего-нибудь вкусенького, но за

добродушный нрав ему прощали любые шалости. Я усмехнулся:

– Надо чаще вылезать из-за стола. Если наших найдем, буду каждый год к вам приезжать.

В ответ на это замечание на меня вылился бурный поток заверений в том, что все будет хорошо, кого нужно найдем, кого не нужно стороной обойдем – Сашка охотился без лицензии, – а вообще места замечательные, хорошие места, нигде таких мест нет. В общем, от меня требовалось только время от времени поддакивать – слова лились рекой, и скоро я знал о Сашкиной жизни и жизни его деревни абсолютно все. Кто женился, кто развелся, кто с кем гуляет, зачем Валька Косохин ездит в город и чем это может для него закончиться, и кучу других, абсолютно не нужных мне подробностей. Вот так, болтая, мы дошли до края болот, раскинули палатку и решили с утра пройтись по лесу: охотник мог заметить человеческие следы.

К вечеру зарядил дождь. Капель действовала на нервы, и несмотря на усталость долго не удавалось заснуть. После сегодняшнего марша тело хоть и гудело, но не так, как вчера. Куда-то девался привычный шум машин, свежие запахи и новые звуки пьянили и приводили в какой-то транс. Я лежал одновременно спящий и бодрствующий, не думая ни о чем, позволяя себе просто быть. Еще немного, и я провалился бы в сон, но мешал какой-то странный зуд – словно что-то внутри заставляло бодрствовать. Древний инстинкт, оставшийся

от далеких пещерных предков, собиравшихся у костра и со страхом вглядывавшихся в ночь.

Сашка зашевелился, и наваждение пропало. Он внезапно что-то пробормотал, покрутил головой, сморщился, словно понюхал что-то неприятное, а затем полез из палатки. Я видел, что он захватил с собой ружье, и на всякий случай подтянул поближе маленький туристский топорик. Охотник стоял спиной ко мне, взяв ружье наизготовку и чутко прислушиваясь к окружающему лесу: поза его казалась настороженной. Костер потух, в свете луны видно было плохо, ночные тени обманывали зрение, и приходилось полагаться на слух. В такой обстановке немудрено обмануться.

Сашка уже собрался лечь обратно и развернулся к палатке, когда из кустов за его спиной беззвучно взмыла размытая тень и обрушилась на плечи человека. От удара охотник рухнул на землю, его ружье вырвалось из рук и отлетело ко входу в палатку, прямо в мои руки. Я схватил его и выстрелил немного выше зверя, стремясь не столько попасть, сколько напугать, согнать его с Сашки. Расстояние не превышало трех метров, но, видимо, я промахнулся, потому что никакой реакции на выстрел не последовало, зверюга кинулась на меня. Мне удалось прокатиться у нее под брюхом, я резко развернулся и вскинул ружье – во втором стволе оставался неизрасходованный патрон. Мне повезло: бешеное животное – в тот момент оно казалось крупным волком – запуталось в поваленной палатке, и я мог спокойно

прицелиться.

Условия для выстрела были идеальные – дистанция метра два, цель относительно неподвижна. Я задержал дыхание, нажал на курок, и... От увиденного волосы встали дыбом. Картечь, выпущенная из ружья, летела так медленно, что я четко видел траекторию всех трех маленьких горошин: они замедлялись по мере приближения к телу беснующегося зверя, пока не повисли в воздухе в нескольких сантиметрах от его тела, чтобы осыпаться на землю, не причинив твари никакого вреда. На мгновение я решил, что сошел с ума. Впрочем, злое рычание быстро привело меня в чувство, паралич прошел, и с диким криком я принялся избивать ружьем, как дубинкой, скованную тканью палатки зверя. От страха я лупил с такой силой, что скоро разбил в щепу приклад и стал пинать животное ногами, потом заметил топорик и фактически разрубил зверя пополам, прежде чем он перестал шевелиться. Только тогда, тяжело дыша от пережитого шока и обливаясь вонючим потом, я свалился у Сашкиного тела. Разодранное горло и неестественно изогнутая шея говорили, что помощь несчастному охотнику уже не нужна.

Вся схватка заняла от силы секунд двадцать, но чувствовал я себя так, словно пробежал километров десять как минимум. Сердце нервно колотилось не столько от усталости, сколько от пережитого ужаса – нормальная реакция для человека, даже в армии не служившего. Больше всего пугала чертовщина, творившаяся со вторым выстрелом. Я попытал-

ся убедить себя, что мне показалось, всему виной простой промах, но найденная в земле картечь убедила в реальности происходящего.

Потребовался, наверное, час, прежде чем я пришел в себя до той степени, чтобы выволочь тварь из палатки и при свете костра рассмотреть ее внимательнее. Вблизи было видно, что волком *это* назвать нельзя: природа не могла бы породить такого. Короткие передние лапы, вытянутая морда с торчащими клыками и маленькими рожками меж огромных, затянутых черной пленкой глаз, серая шелковистая шерсть. Ушей и хвоста не было. Ни одно животное на земле не должно обладать подобным строением – всем крупным хищникам природа дала либо острое зрение, либо чуткий слух. Есть еще вараны и прочие земноводные, но чудовище производило впечатление млекопитающего, хотя уверенности никакой я не чувствовал: слишком странным выглядело существо.

Если бы я мог, то позвонил в милицию, спасателям, но связь в здешних краях не работала. Единственное, что пришло в голову – это зарыть оба трупа поглубже в землю, чтобы звери не добрались, а утром отправиться по своим следам обратно: дорогу я помнил. Однако меня ждал еще один сюрприз. Тело твари стремительно разлагалось: сначала шкура покрылась бурой слизью, затем гниение затронуло остальные части тела. Слабая надежда, что уцелеет хотя бы скелет, не оправдалась: кости рассыпались темной пылью. Теперь никаких доказательств существования чудовища у ме-

ня не осталось.

Пришлось возвращаться в деревню ни с чем. Мне потребовалось трое суток, чтобы выйти к какому-то маленькому хуторку, откуда хозяин подбросил меня до ближайшего отделения милиции. Участковому я соврал – сказал, Сашку загрыз волк. Правда звучала слишком безумно, чтобы в нее поверить, участковый и так подозревал меня в убийстве и не спускал глаз. Он вполне мог бы решить, что перед ним наркоман, под кумаром убивший подельника и теперь валяющийся на зверя. Переночевав, следующим утром в сопровождении местного участкового и двух лесников мы отправились на место стоянки. Дорога была знакомой, засеки я оставлял часто, так что место Сашкиной гибели мы нашли легко. Звери не успели откопать тело.

Едва взглянув на мертвого охотника, старший лесник начал ругаться:

– Мать твою, опять людоед. Только одного прибили – как следующий нате вам. – Специально для меня он пояснил: – Волков расплодилось много, три месяца назад один ребенка загрыз. Только-только прибили его – теперь вот этот. Хорошо, деревень рядом нет... У меня все люди в отпуске разбежались – пока не вернутся, травить зверя не с кем.

– Мне показалось, это был не волк.

– А кто ж еще? Рысь так горло драть не станет, медведь тело бы когтями разодрал. Эх, стояла бы погода нормальная – прошли бы по следу, да теперь поздно.

Участковый отозвал лесника в сторонку, тихо о чем-то переговорил с ним, а по возвращении стал смотреть на меня куда дружелюбнее. Собрав оставшиеся на стоянке вещи и упаковав тело на носилках, маленькая процессия тронулась в обратный путь. Я пытался расспрашивать лесников о том, не было ли каких-нибудь слухов о странных чудовищах, но быстро прекратил – на меня стали коситься: мол, «у страха глаза велики».

Я вернулся в Тряхино, отдал Сашкины вещи каким-то то ли родственникам, то ли собутыльникам, посидел на поминках. Мои друзья, как выяснилось после звонка в турфирму, по-прежнему числились среди пропавших. Нового проводника не нашлось: никто не соглашался идти в места, где появился людоед. Выбор был прост – или вернуться в Нижнеивановск и ждать результатов работы спасателей, или идти одному. Сидеть и ничего не делать я не мог, идти в лес без проводника просто глупо. Кроме того, я боялся.

В убитой мной твари было что-то чужое. За все тридцать лет жизни я не встречал ничего сверхъестественного, такого, чего нельзя было бы объяснить логически. Сейчас же в голову лез всякий бред о мутантах, оборотнях и тому подобная глупость. Нет на земле существ, способных наплевать на выстрел из ружья, остановить его на лету!.. То есть не было. При одной мысли о возвращении на болота мысли опутывал липкий страх, хотелось бросить все и бежать туда, где много людей, где никто не набросится со спины. Я обратил

внимание, что начал слишком часто оглядываться, стараюсь держаться на хорошо освещенных местах. Немного подумав, понял: если сейчас не разберусь с этой загадкой, то буду мучиться до конца жизни, считая себя трусом. Стало противно.

На следующий день я сходил к местному кузнецу и купил у него длинный широкий тесак.

Палатку брать не стал: построю шалаш. Кое-какие знания по части жизни в лесу в меня все-таки впилились. Рюкзак набит консервами, за спиной топорик, тесак прикручен на длинное древко с распоркой. Если я смог убить зверя простым топориком, то и получившаяся рогатина сможет остановить его. Вторая ночь прошла недалеко от того места, что и в прошлый раз. Заснуть мне не удалось – все время подкладывал дрова в костер и прислушивался к лесным звукам. Утро встретил совершенно разбитым, но прошел еще километров двадцать, прежде чем принялся обустроивать стоянку. Постройка шалаша из елового лапника не заняла много времени, днем мне даже удалось поспать часок.

Я слишком плохо ориентировался в лесу, поэтому постоянно оставлял засеки, указывающие в сторону лагеря. Опыта туристической жизни у меня мало, краем уха слышал, что поиски нужно вести по схеме спирали, – так и ходил концентрическими кругами вокруг лагеря. Любой деревенский житель уже нашел бы нужные знаки, следы, я же лишь к вечеру случайно заметил на древесной коре свежие царапины, яв-

но оставленные когтями. Рысь? Может быть. Я хотел перенести поиски на следующий день, когда услышал жужжание большого роя мух впереди. Заинтересовавшись и подойдя поближе, я понял, что поиски оказались удачными. От гнилостного запаха затошнило – на земле лежала растерзанная туша какого-то животного. Шкура была наполовину содрана, мясо разбросано по всей полянке, и жутко воняло. Не думаю, что смерть животного произошла слишком давно – в противном случае насекомые и мелкие животные растащили бы все съедобное.

Поздним вечером я сидел у костерка, пытаюсь не вспоминать о причине моего похода сюда, размышляя о судьбе пропавших друзей и вслушиваясь в лес. Мы, люди, всего лишь высокоорганизованные животные, город – неестественная среда обитания для нас, и попадая в лес, можно быстро приспособиться к новому образу жизни. Нужно просто не мешать организму настроиться на ритмы природы: они заложены в человеческой крови – иногда достаточно походить босиком, полежать на травяной полянке, и понимание лесных звуков придет само собой. Инстинкты лучше нас знают, что надо хозяину, они старше и вернее рационального разума.

Похолодало. Я хотел подбросить веток, но костер и так горел ярко. Мной овладел странный зуд, хотелось куда-то бежать. Нервишки разыгрались, наверное. Я улегся на лежанку, но беспокойство усиливалось, напряжение поднима-

лось изнутри и никак не давало успокоиться. Внезапно крики ночных животных стали затихать, я ощутил, как напряжение разливается в воздухе, и сам стал пристально вслушиваться в лес. Яркой вспышкой озарения до меня дошло, что встреча с чудовищем состоится раньше ожидаемого. Спина покрылась липким потом: сейчас идея отправиться в лес одному казалась верхом глупости.

Я напряженно ждал, повернувшись спиной к костру и сжимая рогатину. Не знаю почему, присутствие зверя ощущалось ясно и четко – он был похож на пятно инородной плоти в ткани мира. Словами этого не объяснить. Я точно знал, откуда приближается зверь, и что он заметил меня. Чем ближе он подходил, тем сильнее мне хотелось убежать, но, повернись я спиной, шансов выжить не останется.

На сей раз неожиданного нападения не последовало. Зверь вышел из кустов, не скрываясь, и приостановился на расстоянии, чтобы получше разглядеть добычу. Он словно демонстрировал себя, наслаждаясь страхом жертвы. Заминка вышла недолгой – практически сразу последовал прыжок. Зверь попытался вцепиться мне в горло, игнорируя выставленное копьё, и с размаху насадился грудью на лезвие. Только распорка удержала тварюгу от того, чтобы протолкнуть древко сквозь тело. Я с трудом удержал оружие в руках: сила удара была очень велика. Если бы не упертая в землю пята копыя, оружие точно выскользнуло бы из пальцев. Когти мелькали перед самым лицом, приходилось со всей силы пи-

хоть копые от себя, а тварь тянулась и тянулась ко мне.

Не знаю сколько времени так продолжалось, но движения твари постепенно стали слабеть, она уже не так сильно давила на меня, ее удалось повалить на землю. Так я и держал, пока она не затихла, потом свалился рядом сам. За все время борьбы зверюга не издала ни звука. Похоже, голоса у нее не было. Воздуха не хватало, исцарапанные руки тряслись от усталости, силы закончились в тот момент, когда пришло осознание, что я спасся.

Если не считать глубоких царапин на руках, повреждений в схватке удалось избежать. Повезло: окажись древко чуть короче – зверь вполне мог бы дотянуться когтями до горла или глаз. Промыв раны водой и смазав йодом, я перебрался поближе к труп. В общем, он мало отличался от предыдущего, разве что рогов на носу было побольше и наличествовал короткий крысиный хвост. Откровенно говоря, мне повезло – наконечник копыя попал между ребер: попади он в кость, скорее всего, отскочил бы. И что теперь делать? Я сфотографировал тело на камеру в мобильном телефоне – единственная польза от него, все равно связи нет, – затем оттащил труп в кусты и лег спать. Надеюсь, завтра от трупа что-нибудь останется. Забегая вперед, скажу, что надежда эта не оправдалась.

Сон не шел, перед глазами вставали картины схватки – оскаленная пасть зверя, тянущиеся вперед лапы с выпущенными когтями. Сейчас, когда в голове прокручивались собы-

тия последних часов, я не понимал, как смог почувствовать приближение монстра. Он словно выделялся из окружающего мира, который воспринимался мной на каком-то глубоком уровне, был частью меня. Раньше я за собой такого не замечал. Возможно, следует более внимательно относиться к собственным чувствам – помедитировать, что ли?

Утром, готовя завтрак, я никак не мог решить, как поступить дальше. Никаких человеческих следов поблизости не нашлось, хотя туристическая группа наверняка должна была их оставить. Скорее всего, спасатели правы, и ребят здесь нет. Значит, надо возвращаться в Нижнеивановск и ждать результатов. С другой стороны, по лесу бродит какое-то неизвестное науке чудовище и убивает живых существ, в том числе людей. Реакцию чиновников на мое сообщение я себе представлял, поэтому без твердых доказательств своих слов никуда идти не собирался. Многовековой опыт русского народа заставлял держаться подальше от властей. По идее, надо вернуться в Нижнеивановск, дождаться результатов поисков, потом прийти на болото с камерой и попытаться найти логово этих существ, или даже захватить одного. От сложности задачи волосы вставали дыбом – было даже странно, как такая идея пришла в голову. Поэтому я решил еще один день побродить по лесу – может, найду нечто интересное, а завтра с утра выступлю обратно.

Пройдя немного по своему вчерашнему маршруту, я двинулся на север, планируя дойти до маленькой речушки –

своеобразного ориентира в этой местности. Почва стала более сырой, деревья начали чередоваться с полянками мха. Еще не болото, но тяжелая влажность и прочие признаки неопровержимо выдавали его приближение. Погода стояла теплая, день был ясный, дул легкий ветерок, который принес ко мне запах дыма. Принюхиваясь, как собака, я пошел по ветру.

Мне открылся покрытый скошенной травой луг, на котором стояла охотничья избушка – четырехугольный сруб с прямой крышей. Возле сруба горел костерок, на огоньке стояла кастрюля с чем-то булькающим, источавшим аппетитный аромат вареного мяса. В толстый пенёк воткнул топор, рядом кучка наколотых дров. Скорее всего, хозяева сейчас находились где-то недалеко. Я подошел поближе и закричал:

– Есть кто-нибудь?

Из-за избушки послышался шорох, я подождал немного, но на мой крик никто не вышел. Видимо, придется подойти самому. Обогнув избушку и никого не обнаружив, я зашел внутрь домика. Пара лежаков, открытый очаг, в углу свалены припасы и различная утварь, куча учебников и тетрадей. Интересно, они-то здесь зачем?

Странное поведение хозяев заставляло делать шаг мягче, невольно прислушиваться к доносящимся из-за стены звукам. Колени согнулись, дыхание стало тихим и ровным. Я поймал себя на том, что крепко сжимаю копьё, держа его острием вперед и отслеживая все свои движения. Странное

чувство помешало открыть дверь и выйти из избушки. Хотя не было абсолютно никаких признаков того, что за дверью кто-то есть, я точно знал, что метрах в трех впереди стоит человек, молодой, волнуется, испуган, сжимает в руках оружие. Скорее всего, ружье. Не знаю, откуда пришла уверенность, но тогда у меня не возникло и тени сомнения в правильности возникшего знания – я словно предчувствовал, предвидел действия незнакомца и точно знал, как уцелеть самому. Повторяю, я не обдумывал ситуацию: я просто знал.

Если дверь откроется – раздастся выстрел: мальчишка со страху нажмет на курок. Надо подойти к двери, шагнуть в сторону, спрятавшись за косяком, одновременно с шагом открывая дверь, затем выпрыгнуть из дверей и подкатиться под ноги, сбить, вырвать ружье. Пора начинать.

Шаг первый... Дверь открывается, мимо проносится заряд дроби. Шаг второй – земля приближается, левое плечо вперед, подбородок к груди, пережат, правой рукой схватить ружье, другой ударить. Шаг третий: ружье отброшено, я сижу на испуганном парне лет восемнадцати, под глазом у него наливаются чернотой свежий синяк.

– Ты что делаешь, придурок?

У мальчишки задрожали губы, и он выдавил:

– Извините...

– Что значит – извините? Ты меня чуть не убил!

– Я думал, это волк...

– Ты не слышал моего крика? Разве волки разговаривают по-русски?

– Извините...

В конечном итоге, учитывая хорошее поведение и глубокое раскаяние в содеянном, свободу пацан получил. Звали его Даниилом, в лесу он готовился поступать в медицинский институт. На мой недоуменный вопрос, почему он выбрал такое странное место, удаленное от библиотек и прочих источников информации, прозвучал несколько невразумительный, но логичный ответ: «Зато от военкома далеко». Парень прятался в лесу от призыва. Да, серьезно его обложили.

Куда интереснее мне показалась причина испуга, заставившая его палить в мирного прохожего. Две ночи подряд в дом к нему пыталась вломиться какая-то тварь, Даниил показал длинные глубокие царапины на двери и бревенчатой крыше избушки. Я без особого удивления опознал следы, оставленные моим вчерашним знакомым, и стал выспрашивать подробности. Как оказалось, Даниил истратил коробку патронов на зверюгу, стреляя в узенькие оконца, но никакого эффекта не получил. С рассветом существо исчезало. Рассмотреть зверя тщательно ему не удалось, но когда я начал описывать убитую вчера тварь, он сказал, что похоже. Судя по выражению лица, новость его обрадовала:

– Здорово, авось он там один был, – я уж хотел домой бежать.

– Что значит «там»? Ты знаешь, где его логово?

– Ну, не то чтобы знаю – прошелся позавчера по следам, думаю, смогу найти. А что?

Такого шанса упускать было нельзя. Возможно, звучит глупо, только после ночной схватки я чувствовал себя намного увереннее, чем раньше, и был готов идти хоть к черту на рога. Соблазн выяснить, откуда взялись загадочные твари, оказался непреодолимым. Надо убедить парня показать мне дорогу – благо, узнав, что я убил уже двоих загадочных хищников, он стал относиться ко мне с почтением необычайным.

– Значит, ты останешься здесь?

– Ну да – ты ж его убил, что ж теперь.

– Так где один, там и другой. – Мальчишка нервно сглотнул. – Сам понимаешь, возможно, их здесь не одна пара охотилась, а целая стая. Пока не выясним, сколько их на самом деле, расслабляться не стоит.

– Так что делать-то?

– Надо сходить посмотреть. Если эти звери были парой, можно логово поискать. Ты говоришь, они днем не показывались?

– Да, до рассвета уходили.

– Странно: сами слепые, а солнечного света боятся.

Даниил долго не соглашался идти со мной, но в конечном итоге признал, что сходить надо. Выходить решили завтра ранним утром: лучше иметь в запасе целый день. Вечером мы долго сидели у костра, разговаривали о жизни, строили предположения, откуда взялись опасные гости. Даниил со-

гласился с тем, что они выпадают из обычной классификации животных нашего мира – он тоже уловил ауру чуждости вокруг приходившей к избушке твари.

Ночь, перед самым сном, Даниил долго глядел в огонь, а потом сказал:

– Вроде, нет никого, спать можно спокойно.

– Откуда ты знаешь? – удивился я.

– Да когда эта зверюга подходила, я ее чуял. Ну, и она меня. Сидишь, на огонь смотришь, мысли твои далеко бродят, всех животных в округе видишь. А тварь эта на меня глядела в ответ – как будто шершавую лапу на затылок положили. Я почему сегодня днем испугался? Ты на меня так же глядел – вот я и решил: все, зверь днем пришел. Днем-то я в огонь не смотрел.

Я только пожал плечами. Со мной тоже происходили всякие странности, слова Даниила показались заслуживающими внимания, но не более. Появится время – тоже так попробую, а сейчас надо спать.

Раннее утро в понимании Данила означало часов пять, поэтому выспаться не удалось. Впрочем, поход по сырому утреннему лесу быстро прогнал сон. Идти пришлось всего ничего – километров шесть. Следы привели нас к небольшому оврагу, в глубине которого виднелась пещерка метра полтора высотой. Вокруг нашлось много следов когтистых лап, кусты оказались помятыми и частично выдранными, слов-

но по ним волокли что-то тяжелое. Мы медленно приблизились. Солнечный свет не попадал внутрь пещеры, однако нам удалось разглядеть, что она уходит далеко вглубь, медленно сужаясь. Идти в эту опасную темноту не хотелось – было страшно. Я начал быстро привязывать к поясу веревку, усердно подавляя липкий голосок внутри себя, настойчиво советовавший не ходить, остаться на поверхности.

– Слушай внимательно. Сейчас я пойду внутрь, а ты через каждые пару минут дергай веревку. Если я дерну в ответ, все в порядке, если нет, начинай тащить. Веревка длинная?

– Метров двадцать.

– Должно хватить. Все, я пошел.

Мне потребовалось определенное усилие, чтобы сделать первый шаг. Вход в пещерку был словно прикрыт какой-то пленкой, возникало впечатление, что невидимая паутина на мгновение опутала все тело. Сделав еще шаг, я прорвал эту завесу.

Внутренний мир пещеры поражал. Мои чувства словно приглушило, зрение отказывало, даже фонарик не позволял видеть дальше, чем на пару метров, уши словно забила ватой. То ощущение единства с окружающим миром, которое возникло у меня в летнем лесу, исчезло окончательно. Зато ясно ощущалось давление окружающего пространства. Волосы вставали дыбом, кожу покалывало от чувства чужеродности. Возможно, это клаустрофобия, и все-таки я ощущал странные токи, текущие вокруг меня, коридор воспринимал-

ся всем телом, можно было идти с закрытыми глазами и ни разу не споткнуться. Предметы обрели темные ореолы – я знал, что если смотреть в одну точку слишком долго, глаза начнут слезиться и заболят. От увиденного во рту пересохло, кончики пальцев принялись нервно подрагивать.

Веревка натянулась, и я дернул в ответ. Растерянный от навалившихся ощущений, крался вперед мелкими шажками. Так прошло метров десять, затем потолок опустился, и мне пришлось встать на колени. Передвигаться было неудобно, но любопытство одолело окончательно – мысли о возвращении отошли в дальний уголок сознания. Да и ничего опасного вроде бы не происходило, никаких звуков не доносилось. Я решительно пополз вперед. Там виднелась какая-то светящаяся точка, ориентир в темноте. Она притягивала взгляд – маленькая золотистая веточка, лежащая на полу, ее пульсирующий свет приближался, мне казалось, откуда-то возникла тихая мелодия. Тонкий, невероятно красивый звук, возникший не в ушах, а шедший из глубины разума. Звук очаровывал, манил, он был столь же прекрасен, как и испускавший свет тоненький ствол. Я не мог отвести глаз: такое чудо послужит доказательством моих слов лучше всего другого, я должен ее взять. Должен! Должен!

Резкий рывок потащил меня прочь от прекрасного растения, я потянул копьё, чтобы перерезать веревку. Невольно взгляд оторвался от света хрупкого чуда, упав вниз. На земле лежало тело человека, наполовину разложившееся, мои ру-

ки упирались в гниющую плоть его бедер. С диким криком, отбросив копье, я побежал обратно по коридору. Не знаю, как я не запутался в веревке и не поранился.

Пришел в себя, только выбравшись из оврага. Рядом стоял Даниил и с ужасом заглядывал мне в лицо, в руках он продолжал сжимать веревку, второй конец которой все еще был привязан к моему поясу. От пережитого шока челюсть тряслась, губы дрожали, потребовалось минут пять, прежде чем язык стал повиноваться и мне удалось заговорить. Сначала я мог только ругаться. Объяснил, когда немного полегчало:

– Внизу труп человека. Кажется, один.

Даниил нервно сглотнул. Такого результата от нашего похода он не ожидал.

– Еще там есть какая-то дрянь, которая меня загипнотизировала. Вовремя ты веревку потянул.

Мы уселись рядом и долго молчали.

– И что теперь делать? – наконец спросил парень.

– Что делать? Ты сиди в избушке, а я поеду в Нижнеивановск, напишу заявление в милицию – пускай приезжают, разбираются. Второй раз туда я не полезу.

Чтобы добраться до Нижнеивановска, потребовалась пара суток. Конечно, я мог бы написать заявление в любом местном отделении милиции, но в мой рассказ наверняка не поверили бы – не занимается милиция мутантами, растениями-гипнотизерами и прочими инопланетными тварями. За-

явление принять они, скорее всего, примут, но для начала вызовут плечистых парней в белых халатах. Лучше идти в сразу в ГУВД. Если же там отфутболят – направлюсь в ФСБ.

В город я приехал вечером, отзвонился Кате, чтобы поинтересоваться поисками, и узнал, что останки моих друзей вчера самолетом отправили домой, в Питер, похороны сегодня. Спасатели раскопали завалы, и в дальней пещере обнаружили тела всей группы. Связаться со мной по мобильнику не удалось: связь не работала. Известие подкосило, второй раз в жизни я закурил, хотелось выпить. Как я уже говорил, у меня всегда было мало друзей – получается, теперь их не осталось совсем. Не думал, что в возрасте тридцати лет окажусь в полном одиночестве. Заснуть удалось только перед рассветом, ненадолго.

Паршивое настроение испортило мне утро. Не радовало ничто – ни пробуждение в мягкой постели, а не на твердой земле, ни завтрак, приготовленный профессиональным поваром, ни еда без плавающих в тарелке комаров. Возникло сильное желание наплевать на случившуюся со мной историю и вернуться в Питер. Порыв удалось подавить, но какое-то чувство обреченности осталось. Я вернулся в номер и уже собирался уходить, когда в дверь постучали. Открыв на стук, я увидел двух здоровенных парней в штатском, предъ-явивших мне раскрытые корочки:

- Коробов Виктор Андреевич?
- Да, это я.

– Федеральная служба безопасности, лейтенант Ковалев. Мой коллега лейтенант Петров. Мы хотели бы задать вам пару вопросов, если не возражаете.

– Заходите.

Я присел на край стола, указав неожиданным гостям на табуретки:

– Простите за беспорядок, я не ждал гостей. Тем более из вашей организации. Чему обязан визитом?

Оба гостя скорее напоминали переодетых спецназовцев, чем интеллектуалов из ФСБ. Высокие, крепко сбитые, оба двигаются легко и непринужденно, стрижки короткие, Ковалев одет в джинсы и белую футболку, на втором светлый летний костюм. Настораживало то, что от Петрова исходила едва заметная эманация, похожая по ощущениям на атмосферу логова тварей. Он безусловно являлся человеком, но такое чувство, словно долго соприкасался с явлениями того же характера и «пропитался» ими.

– Приблизительно неделю назад вы пошли в поход с местным охотником Ивановым Александром Ивановичем, который позднее был растерзан волком. Нам стало известно, что после этого вы вернулись к месту его гибели. Мы расследуем дело, которое может быть связано с этим происшествием. Вы не могли бы рассказать, как и где это произошло? Возможно, вам что-то показалось странным?

Кажется, мой поход в милицию отменяется. Значит, любимые органы что-то знают о пещере или выходящих оттуда

существах.

– Ну, я полагаю, вы читали мои показания по этому поводу, подшитые к делу. Там все описано верно, за исключением одного момента. Сашку убил не волк, а неизвестное мне существо, тело которого после смерти разложилось. Мне нечего было предъявить милиции, поэтому я соврал.

– Вы сказали – после смерти? – переспросил Ковалев.

– Да, я убил это существо.

– Как оно выглядело?

– Размером мне до бедра, передние лапы короче задних, широкая морда с рожками на носу, слепое, мягкая шелковистая шерсть. Во время боя молчало.

Повисла тягостная тишина. Визитеры недоверчиво переглядывались между собой, услышанные слова вызвали у них какую-то странную реакцию. Похоже, их не столько удивило описание странной твари, сколько то, что мне удалось ее убить. Значит, раньше они с такими встречались, знают их возможности.

Я с интересом анализировал свое внутреннее состояние. Дело в том, что контакт с людьми всегда вызывал у меня большие сложности: нормально разговаривать с представителями госучреждений – милиционерами, врачами, налоговиками и т. д. – я не мог, мекал, заикался, путался в словах. Сейчас же никакого волнения не чувствовал. Думаю, произошла смена приоритетов. Побывав в опасной для жизни ситуации, человек невольно начинает совершенно иначе

оценивать окружающих.

– Простите, вы уверены, что вам не показалось? Ваше описание как-то...

– Уверен.

– Скажите, пожалуйста, еще раз – где именно это произошло?

– На месте нашей стоянки. Разве вы не ознакомились с протоколом?

Парочка вновь запереглядывалась и, видимо, пришла к какому-то молчаливому соглашению. Ковалев медленно кивнул, заговорил его напарник.

– Послушайте, вы же понимаете: таких животных не существует. Не может существовать. – Петров говорил тихим, мягким голосом. – Посудите сами, вы долго шли, устали, было темно, вы хотели спать, ваши веки смыкались сами собой, вы лежали в полностью расслабленном состоянии, ваши руки и ноги не хотят двигаться...

Голос убаюкивал, заставлял расслабиться, хотелось закрыть глаза и лечь вздремнуть, ничего не делать... Я с размаху ударил ладонью о край стола. Он меня гипнотизирует! Если бы недавно я не испытал нечто подобного, то сейчас оказался бы в полной власти незнакомых людей, и неизвестно, что бы они со мной сделали! Не знаю, кто эти двое, но явно не те, за кого себя выдают.

События развивались стремительно, времени на размышление не оставалось. Увидев, что гипноз не подействовал,

Петров предупреждающе вскрикнул, и его напарник резко вскочил, вытянув руку в мою сторону. От неловкого удара Ковалев закрылся, зато мне удалось перепрыгнуть через стол и вскочить на подоконник. Второй этаж это ерунда, прыжок – и я уже убегая, затеряюсь среди домов: окрестности гостиницы я знаю хорошо. Бежать, быстрее бежать, как-нибудь доберусь до болота: надо предупредить Даниила – сначала он. Потом буду решать, кто эти люди и что делать дальше, а сейчас – на болото. Жаль, не смог забрать приготовленных вещей... Впрочем, деньги есть: они помогут добраться до любого места.

Метров за сто до избушки я ощутил нечто неладное. Чувство не было связано с потусторонними тварями – определять их присутствие я наловчился, – скорее, возникло некое неопределенное присутствие постороннего, словно взгляд в спину. Можно было бы повернуть назад, только какой в этом толк? Пока не узнаю, с чем я столкнулся на сей раз, бежать бессмысленно. Тем более что ощущения враждебности не появилось – скорее, присутствовали легкая симпатия и ирония: мол, здравствуй, голубок.

Выглянув из кустов, я увидел стоящий на лугу вертолет. Нельзя было не восхититься мастерством летчика, сумевшего поместить машину на крохотный пятачок возле Данииловой избушки. Сам пилот лежал в тенечке возле шасси и, по видимому, спал. Внутри избушки раздавались голоса, хоро-

шо различался юношеский говорок Дани, второй что-то ему отвечал. За моей спиной вежливо кашлянули.

– Что же вы, Виктор Андреевич, из кустов аки тать выглядываете? Не злоумышляете ли вы супротив нас, трех сироток, прилетевших с чисто познавательной целью в этот дивный уголок? Честный человек от гостей не прячется, знаете ли.

Позади меня стоял амбал. Мужчина лет сорока, метра два ростом, одетый в камуфляжную форму, он выглядел настолько внушительно, что мысль о сопротивлении сразу исчезла, не успев оформиться. Я осторожно стрельнул глазами по сторонам... Собеседник немедленно отреагировал:

– Не стоит этого делать, Виктор Андреевич, не стоит. Вреда мы вам не причиним, а убежать от нас не получится, да и не нужно. Просто поговорим: есть у нас пара вопросов, – и все, пойдете вы на все четыре стороны. Пройдемте в избушку, там майор с вашим другом беседует.

Стронувшись с места, я убедился в правильности своего решения не сопротивляться. Мужчина двигался легко, скользил над землей, как кошка, одновременно не выпуская меня из центра внимания. Любая попытка убежать была заранее обречена на провал. Придется подождать, пока этого типа не будет рядом. Странное у него лицо. Узнать при встрече я его узнаю, а вот в памяти не откладывается совершенно.

Возле потухшего очага сидели двое: мой знакомый Дани-

ил, спиной к входу, и еще один мужик в камуфляжной форме с майорскими погонами. Он поднял на меня спокойные глаза и улыбнулся:

– Виктор Андреевич, надо полагать?

Я кивнул. Почему-то я ждал реплики от перегородившего выход поймавшего меня мужика, но тот промолчал – видимо, посчитав свою роль отыгранной. Весь его облик крупными буквами выражал фразу: «Я свое дело сделал». Интеллигентное лицо майора еле уловимо скривилось, потом он вновь перевел взгляд на меня.

– Позвольте представиться: майор ФСБ Уряхин Павел Аркадьевич. Вот мои документы.

– Спасибо, не нужно, я такие два дня назад видел.

– Да, мы в курсе. Извините нас, пожалуйста: наши сотрудники превысили свои полномочия в разговоре с вами и будут строго наказаны. – Или он очень хорошо играл, или действительно испытывал неловкость. – Нам очень жаль, что произошла подобная накладка: ребята хотели найти Гнездо как можно скорее, поэтому решили слегка разговорить вас. Кроме того, ваш рассказ показался им подозрительным – на моей памяти еще никто не убивал чужаков холодным оружием. А вы возьми да и убеги.

– Гнездом вы называете пещеру, откуда выходят твари?

– Да, Даниил уже рассказал нам, где она находится. Так что, собственно говоря, напрасно мы вас потревожили, еще раз извините.

И что теперь?

– И что теперь?

– Все зависит от вас. Вы, я имею в виду и вас, Даниил Иванович, тоже, оказались связаны с весьма деликатной сферой государственных интересов. К счастью, вам фактически ничего не известно, доказательств у вас никаких, попытка же рассказать кому-то о своих приключениях закончится предсказуемо: вам банально не поверят. Мы даже подписку о неразглашении с вас брать не станем.

Если же вы желаете знать подробности происшедшего, то придется испытать все прелести жизни носителя государственной тайны. Скорее всего, вам предложат работу в наших структурах: Гнезд становится все больше, людей не хватает. Соглашаться или нет – решать вам, давить никто не будет. Время на размышление есть: вы уж простите, но в ближайшую неделю отпустить вас мы не имеем права. Если требуется сообщить родным или на работу – скажите, официальную справку мы выдадим.

Мы второй день куковали на болоте. Майор предложил совершенно добровольный выбор: или мы тихо сидим в избушке и никому не мешаем, или нас перевозят в некое специализированное учреждение с комфортными условиями. В учреждение не хотелось. Делать было нечего, вертолет с фээсбэшниками улетел, мы остались одни. На прощание Уряхин оставил ящик консервов и предупредил, что район оцеплен,

суетиться не надо, посидите немного – и по домам. Судя по количеству громыхающей в небе техники, слова майора были правдой: идти куда-либо действительно не имело смысла. Все прошедшее время было потрачено на обсуждение любимого отечественной литературой вопроса: что делать? Что делать дальше, я имею в виду. Данил еще не определился, в отличие от меня. На похороны не попал, надо съездить хотя бы на девять дней – может быть, успею. А потом приму предложение Уряхина.

В тридцать лет я остался совершенно один. Ни дома, ни семьи, ни интересной работы. На душе было настолько гадостно и пусто, что единственным островком в море серости стала история с тварями из пещеры. Гнезда, как говорил Уряхин. Парадоксально? Да. Но, вспоминая свои схватки с чужаками – я не сомневался, что эти существа нашему миру не принадлежат, – вспоминая все события, произошедшие с момента моего решения самому искать тургруппу, я понимал, что старая жизнь закончена. Невозможно будет продолжать монотонно ходить на работу, по выходным смотреть кино или бывать в театре, посещать знакомых. Всего одна неделя полностью изменила меня: показала простому обывателю, что он может стать кем-то большим, – и было бы глупостью отворачиваться от этого.

Даниил в конце концов тоже собирался принять предложение ФСБ, но по своим причинам. Поступит он в медицинский или нет – неизвестно, а работа в такой конторе пред-

полагала широкие возможности для карьеры. В конце концов, этой организации банкротство не грозит. Парню из деревушки в российской глубинке выпал реальный шанс устроить свою жизнь, и Даниил не собирался его упускать.

В общем, через три дня мы готовы были волком выть от скуки и начать делать глупости, когда на полянку перед домиком приземлился уже знакомый вертолет. Выползший из него майор выглядел усталым и хмурым. Взглянув на нас, он бросил:

– Ну что, надумали?

– Хотелось бы узнать, во что именно мы влезли. Собственно, мне кажется, вы этот ответ заранее предполагали?

– Все люди, которые оказывались в сходных ситуациях, приходили к нам. Из тех, с кем я работал. Ладно, распишитесь вот здесь и устраивайтесь поудобнее...

Он немного помешкал, потом уверенно заговорил. Видно было, что рассказывает майор не в первый раз:

– Если честно, известно нам крайне мало. Эксперты не знают, откуда приходят чужаки, разумны ли они, выдвинута масса гипотез, и найдено крайне мало подтверждений. Впервые чужаков заметили три года назад, во Французских Альпах. Местная полиция обнаружила Гнездо, несколько полицейских были убиты и съедены. В другое время такое стало бы сенсацией, но тогда шли президентские выборы, спецслужбы вовремя все засекретили, утечки не произошло. Гнездо удалось зачистить, хотя потери среди штурмующих

оказались просто чудовищными.

Приблизительно через три месяца такая же ситуация возникла в США. Гнездо обнаружили на ядерном полигоне в Неваде, – тогда решили, что появилась какая-то мутация. Американцы скинули атомную бомбу, верхний ярус полностью разнесло, однако через полгода твари стали опять появляться. Аналитики быстро нашли связь между французским Гнездом и Невадой, предположили тенденцию к росту и забили тревогу. Чужаков стали искать целенаправленно, нашли два Гнезда в США, одно в Канаде и два в Европе.

К тому времени все серьезные службы знали о Гнездах, и мы попросили наших американских и европейских коллег поделиться информацией. Естественно, мы тоже начали поиски – и сразу нашли четыре Гнезда. Сами знаете, страна большая, плотность населения не такая, как в Европе, пропажу людей списывали на волков. В целях предотвращения паники информацию решили засекретить, поэтому за пределы нашей организации ничего не вышло. Думаю, долго так продолжаться не может, уничтожение Гнезд требует больших материальных и человеческих ресурсов. Сейчас ситуация такова, что новые Гнезда находят по всему миру, между правительствами идет активный обмен информацией. Вообще если вы смотрите телевизор, то увидите, что терактов стало меньше, политики чаще договариваются между собой, идут на компромисс.

Мы с вами сейчас полетим в Исследовательский Центр

в Москве. Дело в том, что все люди, контактировавшие с Гнездом или с отдельными чужаками, приобретают некоторые способности, современной наукой малообъяснимые. У большинства просто усиливается слух, зрение, шрамы рассасываются, но приблизительно один процент получает нечто большее... Подробнее вам позже расскажут. Причины таких изменений нам неизвестны. Научники ссылаются на всякие излучения, – в действительности они сами ничего не понимают. Зато выяснилось, что чужаки обладают схожими способностями. Они вообще в бою используют не оружие, а физическую силу и эту «псионику». Помните, вы описывали, как стреляли из ружья и картечь остановилась в воздухе? Если произвести несколько выстрелов подряд, защита исчезает – спецназовцы опытным путем установили.

Обстановка сейчас сложная. Каждое Гнездо полно всяких сюрпризов, любая зачистка обходится не в один десяток, а то и сотен, убитых людей. Опытных, подготовленных бойцов. В этот раз повезло: ваше Гнездо застали на ранней стадии. Они растут со временем, в вашем всего два яруса, а в старых иногда по четыре-пять попадается. Точнее говоря, никому не удавалось проникнуть ниже пятого яруса – всего однажды чистильщики спустились настолько глубоко. И чем ниже ярус, тем сильнее твари. Старые Гнезда штурмовать бесполезно: в России один раз попробовали – в результате потеряли два батальона спецназа. Новое оружие специально против чужаков появляется, но медленно: знаний не хватает. Го-

ворят, лучше всего псионика работает – вроде склепали что-то такое.

Рассекретить пора все к чертовой матери: смысла нет скрывать.

Рассказ смертельно уставшего Уряхина дал нам ответы, зато прибавил вопросов. Мы хотели задать их майору, но тот отговорился – мол, «у научных все узнаете». Проверка на «магию» – так на жаргоне называли странные новоприобретенные способности – была обязательной: считалось, что людей с большим потенциалом можно как-то использовать в изучении Гнезд. В каком-то смысле так оно и есть – практика показывала: «зараженные» чаще выживали в зачистках.

В Москве я не задержался. Как мы с Уряхиным и договаривались, сначала мне дали возможность съездить в Питер уладить личные дела, чтобы потом, в спокойной обстановке, пройти тестирование – обследование? – и принять решение, какой работой заниматься. Если бы не жесточайший кадровый голод, черта с два мне предложили такие удобные условия. Но, как бы то ни было, на девять дней я успел.

Разговор с родителями Ромки вышел сложный: они еще не отошли от шока, кажется, винули меня в гибели сына. Точнее говоря, не могли взять в толк, как же так – я жив, а их ребенок нет. Прощание вышло скомканным. У Андрея остался малыш, надо приглядеть за ним.

На работе с увольнением сложностей не возникло. Теку-

щие дела я сдал перед отпуском, а все возможные проблемы быстро снял запрос о переводе в ФСБ. Не знаю, какие мысли возникли в голове у нашей бухгалтерши, но лицо ее приобрело выражение просто неопишное. Документы мне выдали не просто скоро, а стремительно.

В Москву я добрался своим ходом, на поезде и в тот же вечер пришел по указанному адресу. Здание, принадлежащее моим новым нанимателям, стояло на тихой улочке в центре, никакой таблички на входе не виднелось, сидел усатый вахтер. Я показал ему направление, и вахтер сразу вызвал сопровождающего, который представился Максимом и провел меня в комнату на четвертом этаже, обстановкой схожую с гостиничным номером. Окна комнаты выходили во двор.

– Обследование занимает приблизительно двое суток, пока что поживете здесь – все равно выходить куда-либо времени у вас не будет. Вам объяснили цель тестирования?

– Нет, сказали, что все объяснят на месте. Может быть, вы расскажите?

– Да, конечно. – Максим тоном опытного рассказчика начал излагать: – Вам, вероятно, уже сообщили, что люди, контактировавшие с чужаками, приобретают различного рода способности, изначально не присущие человеческому организму. Например, их слух улучшается в достаточной степени, чтобы услышать тихий разговор на расстоянии десятка метров, некоторые могут видеть ауры у предметов, способны безошибочно определять ложь, есть еще некоторые спо-

способности. Как правило, эти «дополнения» незначительны и проявляются спонтанно. Однако один-два процента от общего числа людей, побывавших в Гнезде, могут контролировать свои способности, находя им практическое применение. Ученые еще не определились, мутация это или новый виток в развитии человеческого организма.

Псионика подчиняется определенным закономерностям – никакой магии или колдовства. Речь идет о новой отрасли человеческого знания, причем, по нашим предположениям, с ее помощью мы сможем лучше изучить чужаков. Если рассматривать появление Гнезд как вторжение, то мы сейчас проигрываем войну: нет достаточно эффективных средств, чтобы бороться с тварями. Наше оружие плохо приспособлено для их убийства, псионика же позволяет играть на равных. Конечно, есть только предварительные результаты, методики подготовки бойцов пока что не существует. Серьезные исследования по этой теме начались всего год назад.

Первый тест, на который меня привел Максим, потряс своей заурядностью. В лекционной комнате с партами на стульчике сидел мужик в свитере и печальным взглядом смотрел на группу из четырех человек, к которой я присоединился. Максим откашлялся:

– Внимание! Сейчас вам предстоит тест на выявление силы ваших способностей. Александр Евгеньевич, – кивнул он на мужика, – создаст энергетическую конструкцию, которую

вам предстоит разглядеть и, по мере возможности, описать. Процесс ее создания опишите, пожалуйста, как можно точнее, если получится, нарисуйте этот знак. Вслух говорить ничего нельзя, свои впечатления запишите на листке бумаги. Прошу вас, приступайте.

Александр Евгеньевич вытянул вперед руку, воздух над ней задрожал, словно из руки поднималось невидимое пламя. Судя по выступившему на висках мужчины поту, действие сил отнимало немало. Внезапно над ладонью возникла тускло сияющая точка, из нее медленно поползли полупрозрачные линии – сначала в одну сторону, потом в другую. Продолжался рост приблизительно минуту, затем получившийся знак начал наливаться ярким светом, он уже не выглядел прозрачным. Александр Евгеньевич облегченно выдохнул. Знак еще какое-то время повисел над ладонью, после чего «кудесник» метнул его в лежащую на столе темную каменную пластину, в которой знак исчез.

Я быстро записал процесс создания и уничтожения, а вот с описанием знака возникли проблемы. Он четко отпечатался в памяти, опознать его еще раз не составит труда, но при попытке перенести изображение на бумагу рисунок отличался от оригинала. Что поделать, рисование никогда не было моей сильной стороной. Пришлось написать, что нарисовать знак не удалось.

Потом последовало еще несколько тестов, во время которых нужно было узнать, какая лежит карта на столе, в каком

наперстке шарик и тому подобные вещи. В конечном итоге Максим увел остальных, меня же пригласили в кабинет, битком набитый аппаратурой, собранной, как говорится, «на коленке».

– Вы не удивляйтесь внешнему виду приборов. Постоянно приходится что-то переделывать, корпуса ставить бессмысленно – вот и держим в полуразобранном виде. Электроника плохо переносит всю эту магическую хрень, часто портится. Садитесь в кресло. – Человек в докторском халате приглашающе указал рукой.

Я уселся в кресло, на руки мне ассистент налепил манжеты, глаза завязал плотной повязкой, в довершение ко всему на голову надел глухой шлем. В наушниках зазвучал гнусавый голос:

– На столе перед вами лежат несколько предметов. Ваша задача – увидеть их и описать. Постарайтесь расслабиться и посмотреть сквозь шлем: вы должны увидеть эти вещи не глазами, а сознанием, представьте себе, что шлема нет и вам ничто не мешает.

Задача оказалась несложной, мне без особых проблем удалось ощутить лежащие на столе ножницы и отвертку. Со времен моего знакомства с Даниилом я не раз пытался войти в то состояние, когда восприятие мира обретает объем, предметы обладают собственной сущностью, а живые существа видятся в ореоле недоступных человеческому глазу красок. Эту картину невозможно описать – только увидеть.

Я отдыхал пару минут, затем тест повторился. Когда наконец мне разрешили снять шлем и повязку, на лице доктора (?) играла широкая улыбка. Что-то ему понравилось в результатах, хотя вслух он ничего не сказал. Ну и не очень-то хотелось. На сегодня программа была закончена, я был свободен.

Как ни странно, тесты действительно вымотали, так что желания куда-то идти не возникло. Я еле доплелся до своей комнаты и сразу заснул. Долго отдыхать не пришлось: меня разбудил часа через полтора зашедший в сопровождении низенького толстого мужчины Максим.

– Вот, познакомьтесь. Это Кор... капитан Коробков Моисей Львович, он является специалистом в области экстрасенсорики. У вас, Виктор Андреевич, очень интересные результаты. Моисей Львович сейчас объяснит, что им...

– Да! – Коробков вскочил со стула. – Девяносто две единицы не каждый день встречаются! Вы молодец, юноша (разница между нами составляла лет пятнадцать), такой результат просто замечателен, можно сказать, будущее у вас огромное! Мы с вами далеко пойдем, будьте уверены!

– Простите, капитан, – пришлось мне прервать собеседника, поскольку останавливаться он не собирался, – вы не могли бы объяснить, чего такого хорошего нашлось в моих результатах? Попроще, пожалуйста. – Думаю, последнее уточнение было не лишним. Коробков моргнул, потом яростно закивал:

– Вы же не знаете ничего! Говорил я Уряхину: объясняй все на месте! Чего сложного?! Что?! – внезапно он уселся на стул и доверительно наклонился ко мне: – Дорогуша, вы ведь помните тот тест, когда вас просили знак нарисовать? Самый первый?

– Да.

– А если я вам скажу, что кроме вас никто никакого знака не увидел?

Я пожал плечами:

– Меня это удивит, но не сильно.

– А ведь так оно и есть! – непонятно чему обрадовался ученый. – Остальные абсолютно ничего не увидели, какое-то напряжение ощутили, только видеть – ничего не видели! Знаки, юноша, могут видеть только люди с сильной энергетической составляющей ментальной оболочки, наполнением не менее десяти единиц, – у обычного же человека больше двух не бывает! У тех, кто в Гнезде побывал, доходит до восьми! Но редко, слишком редко, случается, что в момент инициации «барьер десяти» преодолевается, и организм выходит на качественно иной уровень. Вот вы как себя чувствуете? Ничего не болит?

– Не болит.

– Конечно, не болит! И не будет болеть! У вас сейчас организм перестраивается на свой оптимум, микрошрамы исчезают, вредные вещества выводятся, мышцы укрепляются, зрение в норму приходит. Вот увидите: скоро реакция улуч-

шится. Вы месяца через полтора Супермена побить сможете!

Я перевел взгляд на Максима, который, стрельнув глазами на Коробкова, еле заметно кивнул.

– Но у вас, солнце мое, случай особый, – продолжал радоваться капитан. – Вы не просто перепрыгнули этот чертов барьер: у вас сильнейший уровень. Девяносто две единицы, причем рекорд по миру – сто шесть! Вы сейчас не то на пятом, не то на шестом месте по всей стране. А, каково?

– И что мне это дает? – Новость на меня не особо подействовала. – По вашей реакции я понимаю, что событие неординарное, но вы же не объяснили мне, что это значит. И во что выльется...

Коробков посмотрел на меня так, словно я был умственно отсталым, но любимым его ребенком. Его рука потянулась – кажется, он хотел погладить сидящего дебила по голове, однако, заметив выражение моего лица, в последний момент капитан опомнился:

– Поймите, чем сильнее ваша энергетическая оболочка, тем большим потенциалом вы обладаете. Развитие способностей пойдет намного быстрее, но это не главное. Помните знак, который создал Александр Евгеньевич? Если бы он тогда не избавился от знака, а активировал его, возникла бы такая же воздушная стена, как у некоторых чужаков. Чем больше ваш потенциал, тем легче и чаще вы можете создавать знаки, а знак, между прочим, напрямую воздействует на мир. Это магия! Современная наука даже не представля-

ет, каким образом может происходить подобное, да что там – эти закоснелые маразматика из Академии Наук отвергают саму возможность подобного! – Под конец речи Коробков бегал по маленькой комнате, наступая нам на ноги, и размахивал руками. – Можете себе представить, они запероли мою диссертацию! Козлы! Я еще десять лет назад утверждал, что человеческий организм не использует своего потенциала и его можно улучшить до той степени, когда речь пойдет о создании новой расы, а меня...

– Короб... Моисей Львович, я полагаю, нашему гостю интереснее, где он может научиться пользоваться своими возможностями и какую работу мы можем ему предложить, – вмешался Максим. Судя по всему, он посчитал вводную часть законченной. – Виктор Андреевич, раз вы обладаете настолько сильной оболочкой, мы можем предложить на выбор несколько вакансий, которые помогут и вам развить свои способности, и нам значительно облегчат работу.

Во-первых, вы можете устроиться испытателем в Исследовательский отдел. Моисею Львовичу нужны сотрудники с высоким пси-потенциалом. – Коробков яростно закивал. – Сейчас там числятся в основном псионики с уровнем тридцать-сорок единиц, этого не хватает для некоторых экспериментов. Присутствие сильного псиона очень помогло бы. Исследователи работают по двум направлениям: занимаются изучением новых возможностей человеческого организма, разработкой наиболее перспективных из них, и собира-

ют информацию по чужакам – к ним стекается все, что наши бойцы приносят из Гнезд. Советую подумать над этим предложением.

Если вас прельщает более активный род деятельности, вы можете пойти на полевую работу – искать Гнезда. Сейчас создана целая сеть аналитиков и псионов, которые занимаются подобной деятельностью, результаты весьма интересны. Собственно говоря, этот отдел занимается не только чужаками: разведка и обеспечение безопасности тоже на них. Все-таки организация у нас государственная, и интересы самые разные.

Кроме того, недавно создана экспериментальная группа, в которую принимают псионов с наполнением оболочки не менее восьмидесяти единиц. Предполагается, что эти люди пойдут в Гнезда, станут участвовать в их зачистках. Защищаться против пси-воздействия простые люди не умеют. Участвующие в штурмах подразделения несут большие потери. В то же время ряд случаев показал, что люди, подобные вам, более устойчивы к влиянию чужаков и при правильном обучении способны использовать свои силы для борьбы с тварями. Поэтому наше командование приняло решение создать группу, членов которой целенаправленно обучают действовать против чужаков, уничтожать их. Учитывая имеющийся у вас опыт, вам нашлось бы место в этих рядах. Признаюсь честно, бойцы нам нужны. Но, как я уже сказал, группа экспериментальная.

Решение, конечно, за вами. Подумайте, какой путь выбрать. Если у вас возникнут дополнительные вопросы, я на них отвечу. Свой выбор сообщите, пожалуйста, завтра вечером: мы несколько ограничены во времени. Вот, собственно, все, что я хотел сказать.

Я уточнил несколько деталей, потом распрощался. Коробков пытался уговорить меня идти к нему в Исследовательский, утверждая, что я буду там примадонной, но Максим настойчиво выпроводил его за дверь. После такого разговора сон не шел, голова пухла от обилия мыслей. Событий за последнюю неделю накопилось предостаточно, выбор предстоял более чем трудный. Проворочавшись на койке до часу ночи, я, наконец, умудрился заснуть.

Клянусь, я до последнего момента не мог определиться – куда пойти!

Я целый день расспрашивал ошивавшегося рядом Коробкова, чем занимается Исследовательский отдел, что придется делать его сотрудникам. Такая работа казалась очень перспективной – новая отрасль науки, первооткрыватели получают все награды, пусть работа сложная, зато интересная. Честно говоря, слова Коробкова о моих гипотетических возможностях особо не впечатлили, гнуть ложки взглядом, конечно, интересно, но не более. В конечном итоге сила – не более чем приложение к разуму и духу, морали. Поэтому новые способности для меня казались чем-то вроде полезного

бонуса, я не рассматривал их как конечную цель. Просто хотелось изменить свою жизнь, сделать ее интересной. Наполненной.

Следует признать, что в моем отношении к Исследовательскому отделу присутствовал элемент недоверия. Повлиял просмотр различных фильмов, связанных с научной тематикой. Образ безумного ученого, с маниакальным смехом распиливающего подопытного испытателя, не то чтобы сидел в моих мозгах – я просто учитывал такую возможность. Коробков производил впечатление фанатика от науки, способного на любые жертвы ради своих теорий, и доверия не внушал.

Второй вариант – работа в Разведывательном отделе. Поговорив с Максимом на эту тему подробнее, я вынес впечатление, возможно, неверное, что псионы разведчиков стояли над картами с качающимися маятниками, определяя возможные точки проникновения, а потом летали туда с сопровождением спецназа на проверку. Бред. Скорее всего, сложившаяся картина представляла только общие черты работы разведчиков, весьма приблизительно. Наверняка там была масса сложностей – не зря штат аналитиков в разведке очень велик. И занимаются они не только и не столько чужаками. Я поставил в уме галочку.

Про экспериментальную военную группу, или отряд «Пси», я думал мало. Чем ребята будут заниматься, понятно. Входят туда профессиональные военные, люди, давно и

прочно связанные со спецназом, на счету у каждого уже пара ходок в Гнезда. Что мне среди них делать? Я даже в армии не служил. Там не место человеку, который до сих пор с ужасом вспоминает, как с диким криком вылетел из Гнезда. Мерзкое чувство разлагающейся плоти на руках заставило меня нервно потереть ладони.

Я окончательно решил устраиваться в Разведывательный отдел и спустился в кабинет Максима. Он был занят с очередной группой тестируемых и попросил немного подождать. Я устроился на стуле в его кабинете и стал думать, чего ждать от жизни дальше. Наверное, пройду какое-то обучение, потом буду сидеть за рабочим столом, получать кипы распечаток, каждую из которых надо проверить, на особо подозрительные места слетать самому. Опасности никакой: рядом постоянно будет охрана. Если обнаружится Гнездо, делать ничего не надо – просто сообщить начальству, и все. Может быть, придется заниматься не только обнаружением Гнезд: в конце концов, сферы интересов спецслужб очень широки.

Потом придут посторонние люди, у которых есть семьи, друзья, и полезут внутрь. Рисковать жизнями, пока я буду сидеть наверху в безопасности.

Стало тошно. Поймите, я не альтруист, людей не люблю и пословицу «своя шкура ближе к телу» считаю правильной. Мне просто пришло в голову, что, если я не попробую войти в Гнездо, до конца жизни буду презирать себя и считать

трусом. Не важно, что делают другие – важно, что делаешь ты. Либо я борюсь со своими страхами, либо перестаю себя уважать, вот и все. А зачем жить, не испытывая к себе уважения?

Максим вернулся в кабинет. Сам себе удивляясь, я спросил:

– Скажите, тот факт, что я в жизни автомат в руках не держал, не помешает поступить в отряд «Пси»?

Мой вопрос удивил моего собеседника – по-видимому, он ждал другого выбора.

– Существуют два критерия, которые предъявляются к псионам, желающим войти в эту группу: хорошее здоровье и наполнение оболочки не ниже восьмидесяти единиц. Все-му необходимому вас научат. Мы вчера разговаривали с полковником Сергачевым, ответственным за этот проект, он посмотрел данные и сказал, что вы подходите. Конечно, существует испытательный срок, без этого никак. Значит, ваш выбор...

– Да, я хотел бы войти в отряд «Пси».

– Вы уверены? То есть такое решение нас обрадует, поймите, но работа очень опасная. При каждой зачистке погибает не менее двадцати процентов солдат, потери колоссальны. Скажем, в Исследовательском отделе вы занимались бы намного более интересной и легкой работой, Коробков давно хочет получить псиона с вашими данными.

– Я осознаю это. Тем не менее, отряд «Пси».

Выходя из кабинета, я натолкнулся на Коробкова. Судя по всему, он караулил поблизости – хотел первым узнать мое решение. Увидев, что Максим отрицательно покачал головой, Коробков бросился в атаку:

– Ну, Виктор Андреевич, что решили? Надеюсь, пойдете ко мне?

– Нет, отряд «Пси».

– Но почему? – Коробков всплеснул руками. – У нас так интересно, прекрасные условия, большая зарплата. Вас ждет блестящее будущее, поверьте!

– Зачем мне блестящее будущее?

Отвязавшись от Коробкова – после моего вопроса он впал в ступор, – Максим провел меня в отдел кадров, где я подписал военный контракт, очередную подписку о неразглашении и еще пару бумаг. Завтра утром меня отвезут в Институт Исследования Псионики и Экстрасенсорики при ФСБ, где проходит подготовка отряда: посмотрим, насколько большую глупость я совершил. В любом случае: желал изменить жизнь к лучшему – получай последствия своего желания.

Я сказал, «к лучшему»?

Все-таки военным в большой степени присущ консерватизм. Такой вывод делал любой человек, попавший на территорию института. Он располагался в бывшей военной базе в Подмосковье. Окрашенные в темно-зеленый цвет стены домов, заасфальтированный плац, колонна елок вдоль дороги.

Если не считать портрета Президента в кабинете полковника Сергачева, моего нового начальника, и трехцветного флага, никаких признаков современности видно не было. Можно подумать, на дворе не двадцать первый век, а семидесятые года прошлого – настолько все походило на советский военный городок из старого кинофильма.

Сопровождающим оказался все тот же Моисей Львович Коробков, всю дорогу допытывавшийся насчет причин, побудивших меня пойти к военным: он пугал ранней гибелью в желудке чужака и убеждал, что еще не поздно передумать. Какое-никакое, а развлечение, скрасившее скукоту пути. Отстал он от меня, только получив клятвенное обещание, что после того, как мне откусят ноги, я приду к нему наниматься.

Впрочем, въехав в ворота базы, он перестал дуться и повеселел. Более того – он за руку (!) приволок меня к полковнику, честь отдал так, словно отмахнулся, без разрешения уселся в кресло и уставился на начальство преданными собачьими глазами. На лице у него играла широченная улыбка. Сергачев уныло посмотрел на своего конкурента, перевел взгляд на меня и сказал:

– Присаживайтесь.

– Да, Витя, ты садись, в ногах правды нет! – захихикал Моисей Львович. – Александр Васильевич, это Коробов Виктор Андреевич, к вам на обучение. Прошу любить и жаловать. Мои мальчишки посмотрели, силенки у него есть, попросился в Гнезда ходить, в одно уже залез, любопытный

очень, хи-хи, вот его к вам и направили. Девяносто две единицы! И вовремя, главное – как раз семеро будет, мистическое число. Вы знаете, у Пифагора было семеро детей, и это в шестидесятилетнем возрасте, вот и у вас, Александр Васильевич, семеро деток будет, хи-хи!

– Когда-нибудь, Коробок, я тебя прибую, – задумчиво сказал полковник, – за шуточки твои идиотские.

– Какие шуточки, Александр Васильевич!?

Сергачев уже не обращал на Коробка внимания и говорил со мной:

– Виктор Андреевич, на этой базе собраны люди, подвергшиеся воздействию чужаков и приобретшие различные труднообъяснимые способности. Некоторые из них, как и вы, выразили желание в дальнейшем участвовать в борьбе с вторжением, и, учитывая ваши способности, такая помощь придется очень кстати. Поэтому на этой базе создана группа, в которой проводится обучение всему, что может пригодиться в операциях против чужаков. Всему, что известно нам на данный момент. – И сразу, без перехода, задал вопрос: – Насколько мне известно, вы человек совершенно гражданский, в армии не служили?

– Нет, не видел необходимости. У меня больной желудок, поэтому категория «В».

– Ну, что сказать... поначалу придется трудно... – Полковник слегка поморщился. – Физические требования у нас такие же, как у любых элитных частей – спецназа, ВДВ и по-

добных. Вы инициировались где-то неделю-две назад – значит, организм скоро очистится, но все равно физические нагрузки поначалу покажутся очень тяжелыми. Когда приведем физические кондиции в норму, займемся энергетикой, раньше вводить вас в состав основной группы не имеет смысла. Занятия идут уже неделю, придется догонять, но особых трудностей я не предвижу – материал постоянно корректируется. Конечно, то, что вы не служили, это плохо, сразу форму набрать сложно.

Сергачев показался мне неплохим мужиком, трудовой лошадкой, за счет которых существует любая структура, в то время как более хитрые начальники грызутся за власть. Странно – он не спросил, почему я выбрал его группу, но мне ж лучше: не уверен, что смог бы внятно ответить.

– Может, какие-нибудь вопросы, просьбы? – закончил рассказ Сергачев.

– Нет, возможно, позднее.

– Хорошо. В вашей группе всего семь человек, обучение, предварительно, займет полгода, потом войдете в состав мобильного отряда зачистки. Если сможете, постарайтесь учиться быстрее – как бороться с тварями, мы не знаем, поэтому надеемся, ваша группа приобретет нужный опыт. Вот, собственно, и все. Коробок, не проводишь Виктора Андреевича? Котельников сейчас занят, подойдет минут через двадцать.

Попрощавшись с Сергачевым, мы с Коробком – называть

его по имени-отчеству выше моих сил – отправились знакомиться с моими будущими коллегами, или соратниками, или друзьями – как сложится. Всю дорогу я выслушивал разнообразные предположения по поводу сходства наших фамилий, об интеллектуальных возможностях военных – сам Коробок оказался штатским экспертом, привлеченным ФСБ и непонятно как выщыганившим звание, – и сексуальных пристрастиях высокого начальства и коллег. Скоро я начал захлебываться в потоке информации, как ни странно, полезной и интересной. Только слишком уж ее вывалилось на голову много. К счастью, мы пришли.

Комната, в которой мне предстояло жить ближайшие полгода, была маленькой и скудно обставленной. Размерами примерно три на четыре метра, кровать, шкафчик-стойка для одежды, столик и стул. Я кинул сумку в шкафчик:

– Когда вы представите меня остальным?

– Вы что, ничего не скажете по поводу комнаты?!

Я еще раз огляделся.

– А что с ней?

– Она же маленькая!!! Здесь даже нормального платяного шкафа не поставит!

– Здесь есть кровать, чтобы спать, кормить станут в столовой, заниматься в классах и на улице, одежды у меня мало. Зачем мне большая комната?

– Но здесь же неудобно!

– Почему?

Коробок недовольно запыхтел:

– Экий вы, батенька, аскет.

Коробков утомлял, выносить его долго мог разве что святой, поэтому появление старшины Котельникова было воспринято мной как манна небесная. Я и представить себе не мог, что через пару дней стану ненавидеть этого человека. До конца вечера старшина показал мне городок, я получил форму и научился правильно отдавать честь – оказывается, мне заочно присвоили звание младшего лейтенанта, хотя военную кафедру в институте я прогуливал. Но до тех пор, пока успешно не закончится полный курс обучения, тянуться я должен перед каждым человеком в форме, вот так. С будущими одноклассниками меня знакомить не стали, отговорившись их занятостью.

Со следующего дня начался ад.

Подъем в шесть часов, пробежка три километра вокруг городка. Ноги болят, сердце выскакивает из груди, в правом боку колет, Котельников подгоняет и ржет как лошадь. В глазах стоят злые слезы, воздуха не хватает. После пробежки комплекс упражнений, сил нет совсем, старшина командует «отдых», я валяюсь на землю. У меня есть час на то, чтобы привести себя в порядок и позавтракать. С огромным трудом добрался до душа, холодная вода немного заставила очнуться. Завтрак проглатывается в мгновение ока, а Котельников уже зовет меня за собой. Идем в тир: таких автома-

тов не видел, отдача выбивает мне плечо. Чем он стреляет? Плечо вправлено, стреляю с другой руки. Вожусь с оружием до двенадцати часов, потом вновь пробежка, гимнастика. Обед, час свободного времени. Начинаются занятия по рукопашному бою, старшина учит работать коротким мечом, какой-то опыт есть – спасибо тебе, родная секция! Руки отваливаются, плечи болят, мышцы на животе сплелись в единый надорванный ком. Короткая медитация: сосредоточиться на точке в центре живота, прогнать энергию по всему телу, «Представь себе улыбку величиной с Млечный Путь!» Опять меч, отработка ударов, плечи уже не шевелятся. Ужин. Тупо смотрю в тарелку, сил поднести ложку ко рту нет. Чтобы не заснуть, медленно делаю первый глоток. Через минуту тарелка пуста: куда делась еда, не понимаю. Котельников опять зовет во двор, учим ката. Десять часов, отбой.

На следующий день не могу встать, старшина скидывает меня с постели, мнет тело, когда появляется чувствительность – пинками выгоняет во двор. Пробежка, мышцы разогреваются, лишний километр за опоздание, после завтрака – снова в тир. Плечо ноет – вчера я его вроде выбил, сейчас там большой синяк... Стреляем по движущимся мишеням. До вечера программа повторяется.

Это третий день. Или четвертый? Ничего не могу понять, голова не соображает, мыслей нет, тело выполняет команды Котельникова как автомат, засыпаю при каждом удобном случае. Сон – это счастье. Дайте поспать минут двадцать –

и вы мой друг. А старшина – враг, он меня будит. Зачем я сюда попросился? Была какая-то глупая причина, не помню уже, какая.

Сколько я здесь? Не знаю. Теперь меня мучает не только Котельников: к нему присоединяются еще двое, их имен не помню, обращаюсь просто «товарищ старшина», темп тренировок нарастает, сил не остается совершенно.

Сейчас я понимаю, что моей подготовкой занимались высококлассные специалисты, которые точно определяли, какие нагрузки можно давать новичку, какие рано. Но тогда мне казалось, что еще немного – и я умру. Каждый день учителя доказывали, что я ничего не знаю о пределах своих сил, и заставляли эти пределы преодолевать. Для меня величайшая загадка, почему я не стал бунтовать, не отказался продолжать издевательства над собой, а каждое утро в шесть часов выползал на улицу на пробежку. Это не гордость – скорее, влияние Котельникова со товарищи. Не особо образованные, эти люди поражали своим упорством, настойчивостью, работоспособностью, и когда я находился рядом с ними, сама мысль об отступлении казалась подлостью.

Взятый темп убил бы простого человека, однако Коробков заверил мучителей, что организм уже начал меняться, и гоняли меня без пощады. Однажды вечером я заметил рядом с собой Сергачева, внимательно наблюдающего за занятиями. Он подозвал Котельникова, последовало короткое совещание – и меня отпустили. Старшине пришлось повторить

приказ: я не сразу понял, чего он хочет. А когда понял, не поверил. Сил хватило ровно на то, чтобы доползти до душа и завалиться в кровать.

На следующий день после завтрака Котельников не повел меня в тир, взамен сообщив приятную новость:

– Итак. Мы считаем, что теперь ты более-менее похож на человека, и можно перевести тебя в общую группу.

Он помолчал, позволяя мне осознать смысл его слов, потом добавил:

– Но видеться мы все равно будем часто, потому как умешь ты мало, дыхалка слабая, выносливости никакой. В общем, познакомлю тебя с остальными – догонишь материал и снова будешь со мной заниматься. Пошли.

В той части здания, в которую провел старшина, раньше мне бывать не доводилось. Мы вошли в небольшую комнату, напомнившую кабинет биологии в моей старой школе. Те же парты, стол преподавателя, доска для рисования с начерченными на ней странными символами, куча странных предметов на полках, плакаты с изображением различных животных. Точнее говоря, чужаков.

В классе находились семь человек – преподаватель и шестеро учеников. Мужчина с внешностью научного работника, стоявший возле доски и прервавшийся при нашем появлении, кивнул старшине:

– Спасибо, старшина, вы свободны. – После чего он повернулся к классу: – Ну-с, господа курсанты, позвольте пред-

ставить вам Коробова Виктора Андреевича, с сегодняшнего дня он будет проходить обучение вместе с вами. Семенов!

– Я! – с места поднялся высокий сухощавый блондин.

– Вы назначаетесь куратором Коробова, он как можно скорее должен ознакомиться с уже пройденным материалом. Помогите ему освоиться. – Он обратился ко мне: – Меня зовут Чижов Павел Сергеевич, я являюсь куратором группы, по совместительству веду у вас курс ксенобиологии от Исследовательского отдела. Садитесь за парту.

Мне было сложно перестроиться с дикого ритма тренировок, в который я втянулся за последнее время, поэтому принялся рассматривать своих будущих партнеров. Они все чем-то похожи – физически сильные, крепкие, с короткой стрижкой и неуловимой аурой превосходства и уверенности в своих силах. При взгляде на этих людей стало понятно, что имел в виду Котельников, когда говорил, что мне еще расти и расти. На общем фоне выглядел я действительно бледновато. Усилием воли я заставил себя слушать слова лектора.

Речь шла о классификации чужаков. Условно они делились на «офицеров» и «солдат». Офицером считалась любая тварь высокого уровня – что он имеет в виду под этим термином, Чижов не пояснил, – способная использовать знаки, солдатами назывались все остальные. Причем иногда солдат был сильнее и опаснее офицера. Если исходить из предложенной классификации, знакомые мне твари были солдатами. Возможности чужаков различались очень сильно, по сло-

вам лектора, можно пройти все Гнездо и ни разу не встретить двух тварей одного вида. Видимо, королева создавала новую особь под конкретную задачу. Весь урок был посвящен описанию и показу рисунков различных видов чужаков, нашей задачей нужно было научиться классифицировать их и определять уязвимые места.

После окончания лекции ко мне подошел Семенов:

– Сергей. – Я пожал протянутую руку. – Но ты зови меня Студент – мне так привычней. Ты к нам откуда?

– Из Москвы, меня проверили и обнаружили сильную оболочку. Я попросился сюда.

– Нет, я имею в виду – служил где?

– Нигде. – Естественно, сразу возник вопрос, почему мне позволили войти в состав боевого отряда. Не помню, сколько уже раз я рассказывал свою историю. К концу моего повествования вокруг меня собралась вся группа.

– Понятно, – протянул Студент. – Мы-то думали: чего тебя так по физухе гоняют. Ладно. Это – Ястреб, Палач, Пивоварень, Плетка, Злобный. Так всех и зови. По биологии тебя тянуть буду я, псионкой лучше всего владеет Палач, по знакам обращайся к Плетке. Но вообще, если есть вопросы, подскажет любой.

Так состоялось наше знакомство. Ребята оказались неплохими, хотя в их отношении ко мне чувствовалась некоторая снисходительная настороженность. Все они были профессионалами, до вторжения чужаков воевали в различных горя-

чих точках и обладали настолько большим опытом войны, что сравнивать с ними меня просто бессмысленно. С другой стороны, две убитые твари и одиночный спуск в Гнездо вызывали у них уважение. В общем, общаться было можно. Правда, несколько непривычно было обращаться по кличкам, сначала я пробовал называть их по именам, но скоро перестал: как мне объяснил Злобный, «Андреев много, а Злобный один».

Ксенобиология не отличалась особой сложностью, оказалось достаточно всего-то разобраться в терминологии. Куда более трудным предметом являлась псионика.

Кличку Палачу дали заслуженно. Конечно, многое давал преподаватель, но именно Палач объяснял на практике, как прокачивать энергию по телу, входить в транс, блокировать и осуществлять пси-воздействие, ускорять регенерацию ран и многое другое. Обучение проходило сложно, периоды успехов сменялись неудачами, когда результаты моих усилий приводили в оторопь не только меня, но и учителей. Дважды пришлось полежать в больнице, один раз с истощением, потом сломал руку, прошибая кирпич. Не разламывая – прошибая насквозь.

Методы Палача были зачастую странными, в качестве примера приведу один случай. Мне никак не давалась «аура страха» – ментальный прием, заключающийся в воздействии на мозг объекта таким образом, что жертва испытывает беспричинный страх и не может напасть на излучателя, т. е. пси-

она. Для меня сложность заключалась не в способности проецировать эмоции, а в моем нежелании вступать в конфликт с жертвой эксперимента. Грубо говоря, надо было давить, в то время как я обтекал. Палач долго не мог сломать такой настрой, и однажды ему надоело.

Очередное занятие состоялось в маленьком сарайчике за основным корпусом. Мой инструктор приволок огромный ящик, в котором что-то скреблось, после чего вытащил три пары наручников и бодренько сковал мне ноги. По прошлым опытам я знал, что сопротивляться бесполезно, Палач делал свое дело с бездушием и эффективностью автомата. После чего он приступил к объяснениям:

– Это, – хлопнул он рукой по ящику, и в ответ раздалось глухое рычание, – Фриц, предыдущие два дня его дразнил человек в твоей куртке. – Теперь ясно, куда она пропала. – Убежать ты не сможешь, руками отбиться сложно – искусает, любовь внушить не успеешь. Готов?

– Иди на...

– Значит, готов.

Псина пулей выскочила из ящика, обежала его, потянула носом и развернулась в мою сторону. От вида здорового черного добермана с капающей из пасти слюной волосы встали дыбом. Все тело задрожало, кончики пальцев пронзила горячая вспышка, движения собаки стали замедляться, я понял, что легко успею уйти с траектории ее прыжка. От страха я впервые в жизни вошел в «ускоренный ритм» – своеоб-

разный транс, когда организм воспринимает окружающее в несколько раз быстрее. Находиться в таком состоянии долго нельзя: тело человека не приспособлено для сверхнагрузок, не успевает за сознанием. Паника и злость настолько овладели мной и выплеснулись в жутком крике, что я заорал прямо в оскаленную собачью пасть.

Следующее, что сохранилось в памяти, – лицо Палача, заглядывающее откуда-то сверху:

– Ты как, цел?

Он с легкостью ушел от моего удара и присел на ящик:

– Неудачно с собачкой получилось. Что я теперь завхозу скажу?

Бесповоротно мертвый доберман лежал на боку в странной скрюченной позе.

– Что с ним? – Почему у меня такой хриплый голос? И лицо мокрое?

– Как тебе сказать, Аскет... Перестарался ты маленько.

Своим прозвищем я обязан Коробку. Он успел разболтать всему городку, что новый «супер» не пьет вина – раньше болел желудок, сейчас вылечился, но вкус по-прежнему не нравится, – не курит, к женщинам относится без фанатизма, в футбол не играет, никогда не улыбается, цитирует Библию. Последнее верно. Я не верующий человек, но Библию почитывал. Иногда полезно вставить к месту цитату из Священного Писания: опыт работы менеджером убедил.

Примерно так проходили мои тренировки с Палачом.

Впрочем, псионика считалась малоперспективной: любой чужак с легкостью блокировал воздействия человека, поэтому нас тренировали с упором на собственную защиту и обнаружение врага. Предполагалось, что более эффективными окажутся знаки.

Что это такое, сказать никто не мог. Просто с началом Вторжения первые псионы обнаружили закономерность: перед сильными воздействиями некоторые чужаки создают невидимые обычными людьми энергетические конструкции, использование которых приводило к странным и зачастую кровавым результатам. После множества неудачных попыток удалось скопировать самый распространенный знак, а затем и использовать его против тварей. Знаки различались между собой сложностью создания и энергетической наполняемостью. Как объяснял Плетка, для создания знака требовались дисциплина, чтобы запомнить знак, терпение, чтобы построить его, и высокая наполняемость оболочки. Впрочем, известные сейчас знаки поглощали не более двадцати единиц.

Если расшифровать это высказывание, то дисциплина требуется из-за сложности запоминания знака. Каждый знак существует в своем «пространстве», и воспринимать его глазом бессмысленно: в ход идут интуиция и новоприобретенные пси-способности.

После того, как знак «расшифровывался» человеческим разумом и переводился в доступный для понимания вид,

требовалось время для его воспроизведения. Сначала псиону необходимо создать матрицу, для чего и требуется высокая наполняемость оболочки – энергия берется оттуда. То есть чем выше наполняемость, тем чаще можно создавать знаки. Судя по всему, у чужаков дело обстояло так же. И только после того, как матрица создана, ее начинают «напитывать» – заливать энергию для активации знака. Откуда берется энергия, значения не имеет: нас учили использовать внешние источники – воздух, природу, космос, людей, – чтобы не растрачивать оболочку попусту. Но в случае необходимости можно использовать в качестве аккумулятора собственное тело, хотя усталость от таких способов возникает страшная.

Сейчас людям было известно шесть знаков первого уровня, существовали и более сильные, но пока что скопировать их не удалось. Первый знак, который мне удалось освоить, «Воздушная стена», останавливал летящие объекты и делал стрелковое оружие малоэффективным. По сравнению с телекинезом, это более легкий и надежный способ остаться в живых – Воздушная стена выдерживала не пару-тройку выстрелов, а целый автоматный магазин. Особой любовью пользовались огненные шары, или фэйрболы, чьи простота, высокая убойная сила и низкая себестоимость высоко ценились всеми псионами базы. Кстати говоря, начальство не поощряло самовольного изучения знаков, считая это слишком опасным. Правильно считало, если говорить откровенно.

Сразу после того, как я создал свой первый знак, меня вернули в нежные объятия старшины Котельникова. Теперь в дополнение к основным занятиям – довольно напряженным – мне два часа приходилось заниматься по составленной им программе. Должен сказать, что старшина всегда старался совместить полезное с полезным. Он не заставлял подтягиваться, отжиматься и делать тому подобные физические упражнения. Вместо этого я бегал километров на пять, проходил полосу препятствий, без усталости махал шестом или коротким мечом длиной сантиметров семьдесят. Последний входил в наше штатное вооружение, доказав свою полезность против слабоуязвимых огнестрельным оружием существ. Помню, в первый день удивлялся – зачем он нужен...

Свободного времени оставалось часов шесть – едва хватало, чтобы выспаться. Организм продолжал перестраиваться, Чижов утверждал, что в конечном итоге на сон будет уходить часа четыре в сутки. Этого момента я ждал с нетерпением. С другой стороны, чем легче я переносил нагрузки, тем жестче становилась программа.

Месяца через четыре спарринги перестали заканчиваться для меня исключительно поражениями: все чаще поединки удавалось сводить вничью. Перестав чувствовать себя мальчишкой для битвы, я поначалу обрадовался, но после подсмотренного учебного поединка Палача и Злобного понял, что гордиться рано. Меня просто щадят. До уровня этих людей мне идти еще долго.

Программа изменилась. Теперь основной упор делался на знаки – скорость формирования матрицы, удержание ее в стабильном состоянии, наполнение энергией, контроль за активным знаком и освобождение, «бросок» на нашем жаргоне. Особенно сложным был контроль: инструктор заставлял удерживать знак и одновременно читать наизусть стихи, спарринговаться или делать сложные упражнения на концентрацию. Стоило отвлечься хоть на мгновение – и знак расплылся, его приходилось строить заново.

Все чаще слышались разговоры о том, что нас можно отправлять в Гнезда. Сейчас разведка сумела обнаружить на территории страны восемь Гнезд, из них три высокоуровневые. После страшного побоища, которым обернулась Оймяконская операция, армейцы не решались спускаться ниже третьего яруса, занимали первые два и минировали выходы, периодически отстреливая лезущих снизу тварей. Войска отчаянно нуждались в новых способах борьбы с чужаками, разработка оружия шла непрерывно, но результаты считались недостаточными. Со времен винтовки Мосина в конструкции оружия ничего принципиально не менялось, а сейчас требовался прорыв. Электроника отказывала вблизи Гнезда, связь осуществлялась прадедовскими способами – то есть гонцами. Зато псионика, пусть и частично, могла снять эту проблему. Сильный обученный псион четко мог сказать, где находятся солдаты, в каком состоянии, есть ли потери в группе. Пусть на небольшом расстоянии, даже та-

кие мелочи подчас спасали немало жизней внутри чужого пространства. Поэтому начальство считало наше обучение самым перспективным вариантом и требовало результатов. Самым лучшим показателем стало бы эффективное участие в штурме очередного Гнезда. Учитывая, что первоначально наше обучение планировалось закончить за шесть месяцев, а сейчас шел пятый, стоило ожидать досрочного выпуска.

Плетка показал новый способ удержания знака, я практиковался, пытаясь одновременно держать Воздушную стену, Пыльный шлем и Невидимую броню. Упражнение заключалась в полной концентрации на объектах, что сложно само по себе, и плавной и непрерывной подаче силы для поддержания каждого знака. Создание и удерживание трех знаков одновременно по-прежнему давалось с трудом, но меня радовало, что еще два месяца назад я прилагал такие же усилия для одного Пыльного шлема. Навыки пусть медленно, но улучшались. Я почувствовал *зов*, исходящий от Студента. Телепатия пока что оставалась недостижимой мечтой, ученые не сумели найти способа передачи мысли на расстояние – правда, обосновали теоретическую возможность, – хотя направленный эмоциональный посыл мы воспринимать научились. В столовой, откуда исходил *зов*, обнаружилась не только вся наша группа, а практически весь состав отдела с полковником Сергачевым во главе. На стене техники натянули экран, знакомый инструктор устанавливал на стол про-

ектор.

– Что-то случилось?

– Без понятия. – Злобный пожал плечами. – Меня позвал

Студент: вроде полковник хочет сделать какое-то заявление.

Судя по лицам окружающих, о причине собрания никто не знал, над залом легким облачком нависла аура любопытства. Сергачев отшучивался, обещая сказать все всем сразу, и на вопросы не отвечал. Через пару минут я перестал вслушиваться в выдвигаемые предположения, слухи и сплетни, уселся на стул и стал ждать. Ко мне подошел Студент:

– Сергачев молчит, как партизан. Как думаешь, нас действительно отправляют?

– Сейчас узнаем. – Я вновь создал Стену и Шлем и сейчас медленно увеличивал концентрацию силы в матрицах знаков. Из-за дополнительных занятий по физической подготовке по основному курсу я тоже немного отставал – сказывалась усталость. Приходилось использовать любой момент для тренировок, чтобы оставаться на одном уровне со всей группой. – Присаживайся: в ногах правды нет.

Предположение Студента выглядело логично. Занятия шли пять месяцев, всю программу мы практически освоили, сейчас шло закрепление материала и шлифовка навыков. Конечно, научники постоянно подкидывали что-то новое, но принципиальных отличий от уже изученного не было, так что обучение шло легко.

Шум в зале затихал, Сергачев встал под экраном. Он не

особо любил публичные выступления и сейчас слегка волновался, отчего еле заметно проглатывал слова.

– Товарищи офицеры и старшины! Я собрал вас здесь, чтобы сообщить, что с сегодняшнего дня вся наша деятельность, я имею в виду не только отряд «Пси», а вообще все Специальное управление ФСБ, перейдет на совершенно новый уровень. Через несколько минут вы прослушаете обращение Президента Российской Федерации, посвященное контакту с иномировыми формами жизни. – В зале зашумели. – Спокойно! Мы давно этого ждали, секретность серьезно мешала нашей работе, но с сегодняшнего дня информация о существовании чужаков перестает быть государственной тайной!

Шум в зале усилился, когда Сергачев сел на место. Новость была давно ожидаемой, но от этого не менее приятной. Значительная часть ресурсов Управления уходила на обеспечение секретности – теперь все деньги и людские ресурсы пойдут непосредственно на исследование чужаков, новое оружие, подготовку кадров для зачистки Гнезд и многое другое. Повышение зарплаты и карьерный рост, в конце концов, хотя и раньше платили неплохо. Если наша группа хорошо покажет себя, состав отряда тоже увеличится.

Зал затих, когда стали показывать выступление Президента. Точнее говоря, сначала показали выступление Генсека ООН, потом говорил Президент. С моей точки зрения, речь была хорошей – ее составлял грамотный психолог. Доволь-

но сложно рассказать о начале войны с не пойми кем, но неизвестному автору это удалось. О псионах не упомянули ни словом – видимо, решили, что одних чужаков обывателю достаточно. Забегая вперед, скажу, что на следующий день мир залихорадило: на экранах постоянно мелькали знакомые лица из Исследовательского отдела, высокие начальники из ФСБ, различного рода эксперты. Схожая картина творилась по всему миру. Особой популярностью пользовалась передача с Коробком, притащившим в студию живую тварь в клетке и долго распилавшимся об ее свойствах. Он так и не признался, каким образом ему удалось получить разрешение на подобную авантюру.

Когда страсти от объявления слегка улеглись, Сергачев сообщил другую, не менее важную для нас новость. Было принято решение допустить группу «Пси» к зачистке следующего Гнезда – ее проведение предполагалось через пять дней. По предварительным данным, Гнездо было маленьким, двухъярусным, и командование сочло, что оно лучше всего подходит для проверки наших способностей. Результаты этой операции покажут – имеет смысл продолжать проект по подготовке псионов-бойцов, или нет.

Следующие три дня вылились для нас в своеобразный экзамен: каждый преподаватель считал своим долгом проверить, насколько хорошо мы владеем его предметом. Мои физические данные и стрельбой гордиться причин не было, до общего уровня я не доставал, но Котельников по-

сле некоторого колебания сказал «Годен». С псионикой и знаками дело обстояло намного лучше: за время обучения наполнение моей оболочки возросло до девяносто четырех единиц, также я теперь не уступал остальным бойцам нашей группы в скорости создания и силе знака. Не хочу вспоминать, чего мне стоил такой результат.

Безусловно, самым запоминающимся стал экзамен по ксенобиологии. До сих пор теряюсь в догадках, чем Чижев подкупил Коробка, что обещал взамен на разрешение использовать на экзамене подлинных чужаков. В исследовательском корпусе размещался настоящий «зоопарк» с захваченными во время зачисток тварями – большинство из них долго не выдерживали и умирали, хотя некоторые могли жить два-три месяца. Научники пытались исследовать их... Увы, результаты были сомнительны. До сих пор даже не было известно, чем питаются чужаки: внутренности тварей не содержали желудка или его аналога. На лекциях нам рассказывали, что у чужаков не существует единообразного строения, твари одного Гнезда могли обладать разным количеством цепочек ДНК, не всегда имели мозг и вообще приводили в шок биологов.

Чижев по одному приводил нас в зверинец и заставлял рассказывать, какими свойствами может обладать данная тварь, как от нее лучше защититься, где уязвимые места. В некоторых случаях мог приказать войти в клетку и продемонстрировать свои знания на практике. Впрочем, такое

происходило всего дважды, причем мне запретили наносить вред «гипнотизеру» и «плевалыщику» – он плевал кислотой, – только защита. Задание простейшее и практически безопасное: твари почти не реагировали на присутствие людей.

Срок начала операции приближался. При мысли о том, что отряд пойдет внутрь Гнезда, в горле комом вставал страх. Конечно, я знал, что рано или поздно придется снова нырнуть в темноту входа, ощутить на собственной шкуре затхлую атмосферу чужого мира, готовился к этому, но пережитый полгода назад шок давал себя знать. Не знаю, насколько было заметно мое состояние, однако Студент подошел ко мне с вопросом:

– Боишься?

– Пусть тебя это не волнует. Если я сумею войти внутрь, проблем не возникнет. Просто я не уверен, что смогу войти.

– Никто из нас не уверен. В моем взводе четверо бойцов отказались идти на второй штурм, а люди были проверенные. – Студент пожал плечами: – Я тебе вот что скажу – ребята считают, ты справишься. Дальше сам решаешь.

После этого короткого разговора стало немного легче. Вроде бы ничего не изменилось, но появилась какая-то уверенность в своих силах, настроение подскочило вверх, и уже не хотелось сидеть сгорбившись, представляя ужасы грядущего штурма.

Форму и оружие выдали тем же вечером, и на следующий

день мы вылетели к Гнезду.

Лететь пришлось недалеко: чужаков заметили на границе Тверской и Смоленской областей, у речушки со смешным названием Вопь. Места здесь густонаселенные, по российским меркам, обнаружили появление чужаков быстро. Максимум нас ждало три яруса – штабисты хотели провести штурм как можно скорее.

Предстоящая операция имела очень большое значение. Во-первых, это было боевое крещение нашего отряда: нас собирались придать к штурмовым группам, идущим внутрь Гнезда. Все мои однокашники уже участвовали в штурмах, и не по одному разу, но делали это в ином качестве – задачи тогда перед ними стояли другие. Во-вторых, предполагалось провести «обкатку» войск, ранее не сталкивавшихся с чужаками, поэтому операция обещала стать самой крупной за всю историю Вторжения. И, наконец, предстоящий штурм станет первым после официального объявления о контакте с чужаками, то есть о его начале неминуемо станет известно, придется принять некоторые меры против паники среди жителей близлежащих сел.

Конечно, все те проблемы, с которыми столкнулось наше начальство, затронули меня мало. Время, оставшееся до отправления на Вопь, я провел в диких тренировках и сейчас просто хотел отдохнуть.

Триста километров до лагеря пролетели на вертолете. Я

впервые попал во временный военный лагерь и теперь с интересом осматривался. На мой взгляд, в расположении четко различалось три части, каждая из которых не походила на остальных. Ближе всего ко входу в Гнездо находилась «матерая» часть: там разместились человек сто – бойцы, ранее участвовавшие в штурмах, именно с ними будет работать наша группа. Далее выделялась «штабная» часть, куда входило начальство разного рода и ученые. Здесь стояло больше всего техники и оборудования непонятного назначения, возле которого суетилась толпа народу в камуфляжной форме, но со штатским выражением лица. И наконец, целый лагерь – человек пятьсот – пришедших на «экскурсию» в Гнездо. Кадровые военные, которым предстоит участвовать в грядущих штурмах. На мой взгляд, решение правильное: лучше сразу показать отличие обиталища чужаков от привычного мира – в следующий раз людям будет легче преодолеть ксеношок.

Нас разместили на границе ученых и «матерых». На демонстрацию возможностей псионов стоял строгий запрет, знакомых в лагере у меня не было, поэтому оставалось тихо сидеть в палатке и возиться с оружием. Все мои товарищи разбежались в поисках друзей. Я надеялся, что они вернуться с интересными сплетнями – Сергачев ничего не рассказал о нашей роли в штурме, – питаться же слухами надоело.

В палатку заглянул Чижов: в отсутствие Сергачева он курировал нашу группу. До сего дня в основном его задача за-

ключалась в донесении мыслей научных до мозгов исполнителей – иными словами, он обеспечивал взаимодействие группы с Исследовательским отделом. Работа у него была сложная и требовала огромной выдержки и такта, потому что едва ли не каждый ученый считал свою область наиболее перспективной и требовал учить нас именно по его теориям. Коробок был не худшим из этой братии.

– Виктор Андреевич, к вам пришли.

Я слегка удивился: кто бы это мог быть? Разве что Уряхин...

– Привет! – в палатку вошел Даниил. – Я думал, ты в разведку пошел!

– Привет. – К своему стыду, о Даниле я не вспоминал. Мы расстались с ним в Москве – я поехал на вокзал, в Питер, он – на тестирование, и больше мы не виделись. Не до того мне было. – Как ты здесь оказался?

– Да у меня оказалась наполняемость тридцать два, – ну, когда узнали, что я собираюсь в медицинский, сразу стали уговаривать идти в Исследовательский. Я согласился, попал в группу, занимающуюся воздействием энергооболочки на повреждения человеческого организма – попросту говоря, лечением. Кое-что получается. А сюда прислали, чтобы опыта набирался и на Гнездо взглянул. Я же внутрь не залезал ни разу.

Интересная новость. Слухи, что существует возможность лечить человека с помощью псионики, ходили давно, но на

практике успехов добиться еще никто не смог. Данил кивнул:

– Да, дело туго идет. Но тут немцы недавно обнаружили очень полезную вещь. В Гнездах растут такие кристаллы, мы их «лечилками» зовем, – если их приложить к поврежденному участку тела, регенерация идет на пару порядков быстрее. Раны просто на глазах зарастают! Сейчас наши хотят скопировать процесс – если получится, сможем попробовать лечить человека магией: знаки тут не используются. В конце концов, у филиппинских хилеров что-то такое получается, – так мы чем хуже?

Даниил с увлечением заговорил о своей работе – чувствовалось, она ему нравится. Судя по всему, жизнь у ученых кипела, парень рассказывал интересные вещи, которые могли здорово пригодиться в нашей работе. Например, те же «лечилки». Или стимулятор силы, способный восстановить наполнение ослабленной оболочки. Создавая знак, мы использовали потенциал нашей оболочки: на каждый знак уходило от пяти до двадцати условных единиц потенциала. Значит, активно работая, псион мог в конце концов оказаться беззащитным – ведь восстанавливалась оболочка медленно: две-три единицы в час. Можно немного ускорить этот процесс, поспав, помедитировав или банально поев, но сомнительно, что удастся спокойно отдохнуть внутри Гнезда. Впрочем, Даниил оговорился, что стимуляторы отрицательно влияют на человеческую энергетику и лучше ими не поль-

зоваться.

Под конец Даниилова рассказа его внимательно слушали Палач и Пивоварень, не нашедшие знакомых и потому вернувшиеся в палатку.

– Слушай, парень, ты можешь показать, как они выглядят, эти «лечилки»? Нам такие штуки завтра могут пригодиться.

– Завтра? – Я посмотрел на Пивовареня. – Собирались вроде позднее?

– Штабные решили – лучше завтра. То ли журналюжки сюда едут, то ли внизу третий уровень образуется, может, еще что. Вечером Чижов разобьет на команды, утром пойдем вниз.

Палач *позвал* остальных, и все вместе мы отправились в расположение ученых. Кристаллы не производили впечатления чего-то полезного – просто камни со слегка колеблющейся аурой. Все эти «лечилки», стимуляторы силы, ядовиты и прочие различались между собой частотой колебания и цветом. Тем не менее, когда Даниил в качестве примера рассек себе руку, а потом приложил «лечилку» к ране, от камня пошел ясно видимый поток энергии, на наших глазах зарастивший глубокую царапину так, что даже шрама не осталось. К сожалению, у ученых было по одному образцу каждого кристалла – дать его нам они не могли. Пришлось пообещать, что постараемся набрать побольше таких в Гнезде. Кроме того, Даниил просил при возможности вырезать из трупов тварей «фонящие» органы – зачем-то они

были ему нужны.

Ближе к вечеру нас собрал Чижов:

– Вы уже знаете, что командование решило отправлять вас внутрь Гнезда вместе со штурмовыми группами. Я хочу подчеркнуть: не вы придаетесь в помощь спецназовцам, а они – вам, принимать решения будет старший группы, назначенный мной из вашего числа. В каждую группу войдут не менее двух псионов – получается, две пары и тройка. Состав такой: первая группа – Семенов (Студент), Борзов (Ястреб), Коробов (Аскет). Вторая группа – Салахутдинов (Палач), Хегг (Плетка). Третья группа – Конюшенный (Злобный) и Иванченко (Пивоварень). По результатам вашей работы на первом ярусе будет решено, использовать дополнительные силы или второй тоже станете чистить в одиночку. Имейте в виду – высокие потери в ваших группах недопустимы, если кто-то ранен – возвращайтесь наверх немедленно. В случае истощения оболочки поступайте так же. Не рискуйте напрасно: Гнездо считается полигоном для вашей проверки.

После короткого инструктажа мы двинулись знакомиться с сопровождающими спецназовцами. Как оказалось, назначенный нашим старшим Студент их знал – раньше эти люди служили в его взводе, поэтому проблем с подчинением не возникло. Весь вечер мы отвечали на вопросы, показывали свои способности, объясняли, что есть знак и что с его помощью можно сделать. Студент решил: раз я научился нести сразу два знака, то буду постоянно держать Пыль-

ный шлем и Воздушную стену. Первое плетение позволяло снизить или вообще убрать псионическое воздействие, человек под его защитой оказывался заключен в своеобразный кокон, предохранявший от телепатии, гипноза, в меньшей степени от пирокинеза или других простейших видов магии – бойцы называли магией любое проявление псионики или знаков, вслед за ними на жаргон перешли и все остальные, даже ученые. Второй знак, Воздушная стена, отражал быстро летящие предметы, мог остановить пулю или ядовитый плевок. Существовал более удобный знак – Невидимая броня, который задерживал вообще любое движение в сторону псиона, выстраивая вокруг него сильное энергетическое поле, способное нейтрализовать как физическое, так и магическое воздействие. Правда, он был намного сложнее в исполнении и на его создание уходило больше сил – мне не удалось бы прикрыть им весь отряд.

В восемь часов утра три наших группы стояли у входа в Гнездо. Наша группа пойдет первой, внутри Гнезда мы всегда будем выбирать самый правый проход, перед нами стоит задача очертить границы первого яруса. Внутри лабиринта ползут сразу две команды – Палача и Злобного, они постоянно станут прикрывать друг друга.

Я в последний раз проверил снаряжение. Форма состояла из неизвестного мне легкого материала, способного выдержать попадание кислоты, она плотно прилегала к сапогам на

толстой подошве и перчаткам, лицо под шлемом скрывала маска-противогаз. Исследовательский отдел разработал специальное снаряжение после того, как бойцы начали гибнуть от разъедающих тело плевков или ядовитых газов. Вооружение группы составляли автоматы с какими-то особыми пулями, один огнемет, пистолеты и – у нас троих – короткие мечи. На поясе у каждого висело не менее четырех гранат. Не уверен, что всего этого будет достаточно, чтобы выжить...

– Аскет! – Голос Студента заставил меня отвлечься от мрачных мыслей, я только сейчас с удивлением заметил холодный пот, ползущий по спине. – Ставь знаки.

Я кивнул в ответ.

– Подойдите ко мне поближе. Старайтесь не отходить далеко – чем больше расстояние, тем сложнее поддерживать знак.

Пыльный шлем считался более сложным в исполнении, поэтому я начал с него. Мне довольно легко удалось создать матрицу, а затем закрепить ее на Студенте и Ястребе, сложнее оказалось привязать знак к незнакомым мне аурам новых бойцов. В конечном итоге связь удалось закрепить, и я активировал знак.

– Что за черт, – сказал Слава, старший из спецназовцев: – как будто на голову мешок надели.

– Зато ты теперь на нас не набросишься. – Ястреб намекал на случаи, когда чужаки подчиняли себе бойцов и заставляли их атаковать своих товарищей.

Я счел нужным уточнить:

– Не совсем так. Знак можно пробить, просто сделать это трудно. В любом случае – я заранее почувствую чужую атаку.

Наложить Воздушную стену оказалось намного проще, и уже через минуту Ястреб вошел внутрь Гнезда. Я немного замешкался у входа, не решаясь сделать первый шаг, но дрожание знаков заставило меня качнуться вперед. На короткое мгновение, пока тонкая невидимая пленка проходила сквозь тело, ужас сковал меня, ноги отказали. Легкий толчок Студента прогнал липкое чувство страха. Я благодарно кивнул.

Как это ни странно, когда я вошел в тоннель, мне стало легче. Таких отвратительных чувств, как в прошлый раз, не возникло – и это радовало. Может быть, Пыльный шлем помог, может, в этот раз я знал, чего ждать, и пришел не один. Во всяком случае – напряжение ушло.

– Аскет, состояние?

– Знаки держатся, но Ястреб ушел слишком далеко, Стеной не прикрыть. Оболочка семьдесят семь. – На Пыльный шлем уходило десять единиц потенциала, на Стену – семь. Изначально у меня было девяносто две единицы, за прошедшие пять с лишним месяцев оболочка подросла – результат тренировок. Кроме того, опыт позволял тратить на создание знака меньше единиц оболочки.

– Ястреб, вернись.

Узкий ход стал расширяться: теперь можно идти по двое в ряд, не пригибаясь. Впереди Ястреб и Руслан, боец с огне-

метом, – внезапно Ястреб останавливается:

– Чужак, десять метров, к нам.

Руслан напряженно вглядывался вперед, хотя знал, что это бесполезно – видимость в Гнезде не превышает трех-четырёх метров. Я почувствовал чье-то приближение, но конкретно ничего сказать не мог: знаки мешают сконцентрироваться. Внезапно послышался странный звук, Стена содрогнулась от попавшего в нее комка слизи. Ястреб стремительным плавным движением опустился на одно колено и начал стрелять из автомата. Чужое присутствие сразу ослабело, Студент скомандовал двигаться вперед – мы идем, старательно обходя дымящуюся лужицу. Через несколько шагов натываемся на разорванное тельце чужака – небольшой шар двадцать сантиметров диаметром с торчащей спереди узкой трубкой. Руслан тонкой струйкой огня поджег тварь.

Потолок тоннеля неожиданно отодвинулся, стены расширились, теперь мы шли по коридору восемь метров шириной и в высоту метров шесть. Во всяком случае, так говорили мои чувства. Внезапно Студент скомандовал остановку:

– Ястреб, пятно на стене, справа два метра впереди.

Ястреб долго присматривался к еле заметной светлой выпуклости – она почти не выделялась на темно-красном фоне.

– Ничего. Чисто.

– Аскет?

– Ничего. Я знаки держу. – Ястреб всегда был чувствительнее меня, а сейчас, когда я сконцентрирован на знаках,

тем более.

Студент кивнул. Он еще немного постоял, сканируя пятно, затем поднял автомат и выпустил длинную очередь. Пятно дернулось, ощущение чужого присутствия возникло на месте ровного прежде фона, затем отлипший от стенки чужак попытался прыгнуть на нас. Не успел: Руслан спалил его из огнемета, Ястреб ругался:

– Б...ть! Он спрятался! Вы видели – он спрятался!

– Что ты переживаешь? – Спокойный голос Студента слегка отрезвил Ястреба. – Мы и раньше знали, что некоторые твари способны скрывать свое присутствие, Аскет потому и тащит Стену. Хватит дергаться – идем дальше.

Следующую тварь заметил я. Точнее говоря, не столько заметил, сколько ощутил ее присутствие, когда на Пыльный шлем что-то стало давить.

– Стоп. Чужак.

– Где? – Вся команда начала вертеть головами. Даже Студент и Ястреб, хотя им-то зачем?

– Пытаюсь нащупать.

Где, где источник? Аура существа не обнаруживалась – значит, либо слишком далеко, либо хорошо прячется. Пришлось скользнуть сознанием в ментальное пространство.

Ученые присвоили этот звучный термин странному состоянию разума, когда человеческий дух якобы оказывался в некоем пространстве, в котором не было места материи. Впрочем, некоторые исследователи утверждали, что это ме-

сто действительно существует, а не является искусственно созданной нашим подсознанием проекцией. Находясь в ментале, можно заметить любые проявления духовной деятельности. Отблески человеческих эмоций, некоторые культовые предметы, висящие знаки, – здесь же можно было пообщаться с отголосками душ умерших, по каким-то причинам не развеявшимся со смертью тела, а закрепившимся возле своих могил или любимых вещей. Судя по доходившим до меня слухам, ученые называют открытие ментала «смычкой знания, философии и религии».

Сознание чужака ярко сияло: его было отчетливо видно, – но что делать дальше? Понятия сторон света здесь абстракция, я не смогу объяснить остальным, где находится чужак. Тем временем, кажется, он заметил мое присутствие и выбросил в мою сторону светящееся щупальце – решил проверить незваного гостя. Я отреагировал скорее инстинктивно, чем осознанно. Собрав свой страх перед чужаками, свою ненависть, свою боль, обнажив все, что есть темного во мне, я сделал его своим оружием. Эмоции – это сила: не нужно растрчивать ее попусту. Больше, сильнее!

А потом я швырнул получившийся неряшливый комок в чужака.

Выйдя на обычный уровень восприятия, первым делом спросил:

– Засекли? – Влезать обратно в ментал очень не хотелось – голова сильно болела. Хорошо, хоть давление на знак ис-

чезло.

– Был какой-то всплеск в боковом проходе – сейчас проверим.

Посреди прохода лежал чужак. На теле твари не было следов повреждений, но он безусловно умирал: аура угасала прямо на наших глазах. Когда Ястреб всадил в него пару пуль, тело даже не дернулось.

– Чем ты его убил?

– Выжег мозги. Сам не ожидал, что получится – хотел просто снять защиту.

Мы без особого труда уничтожили четверых чужаков, прежде чем нарвались на прыгуна второго уровня. Эта тварь с мощными задними лапами обладала способностью одним прыжком преодолевать десятки метров, узкой головой с косяными наростами насквозь прошибая тело человека. Спаслись благодаря двум вещам: Воздушной стене, которую я, не снимая, тащил все это время, и реакции Студента. Первый прыжок пробил Стену, тварь игнорировала автоматные очереди и готовилась прыгнуть второй раз, когда Студент молниеносно сплел огненный шар и всадил его прыгуну в морду.

После прыгуна отряд прошел еще шагов пятьдесят, прежде чем заметил на стенах коридора оставленные людьми знаки. Значит, раз мы шли около трех с половиной километров – получалось, что ярус в диаметре занимал немного более километра. Правда, большая часть приходилась на материал стен. Вообще-то странно: площадь ярусов уменьшается

по мере глубины – чем ниже ярус, тем больше площадь. Километр по прямой – это слишком много для двухъярусного Гнезда, скорее это характерно для трех ярусов. Видимо, ученые правильно определили: Гнездо действительно собирается расширяться. Если уже не расширилось.

Невозможно описать, какое облегчение выйти на поверхность. Нормальный воздух пьянит, глаза отдыхают на мягких зеленых тонах, хочется просто сидеть на земле и наслаждаться покоем. Дикое напряжение отпускает, глаза слипаются сами собой...

– Аскет, – повернул я голову к Студенту, – у тебя все лицо в крови.

Провел рукой по лицу – действительно кровь. Скорее всего, откат от лопнувшей Стены, такое часто случалось в начале обучения.

– Где остальные?

– Еще не вышли. Им сложнее: они проход ищут.

– Я пойду сполоснусь – если выйдут, позови.

– Ладно.

По пути к ручейку мне встретился Чижев. Лицо у него было встревоженным, но довольным. Еще бы: первая группа вернулась без потерь.

Вторая группа возникла из темноты минут через десять и принесла хорошую новость: все живы. У Пивовареня костоед разодрал ногу – ходить боец не мог, его тащили на руках. Но, несмотря на ранение, все светились от радости: действуя

вместе, остальные мало того, что нашли проход на второй уровень, так еще уничтожили охранявших его стражников – двух тварей третьего уровня. Переходы у чужаков всегда защищали сильные бойцы. Одна из тварюшек Пивовареня и зацепила. Сейчас группа Палача осталась у прохода отстреливать ползущих снизу тварей, мы же достаточно отдохнули, чтобы начать зачищать уровень. Приблизительная карта у нас теперь была.

Ранение Пивовареня внесло коррективы: меня поставили в пару со Злобным. Группа Студента отправилась на смену Палачу. Пока моя новая группа отдыхала, удалось урвать лишний часок сна. После возвращения Палача снова пошли вниз – чистить туннели. Все жутко устали, но понимали, что нужно как можно быстрее истребить всех тварей на ярусе, дабы ученые могли спокойно потрошить Гнездо. Никакой романтики, часто описываемой в боевиках, не было и в помине: просто тупая, нудная, смертельно опасная работа, которую надо сделать. Сделать надо нам, потому как раньше, без использования псионов, потери среди бойцов достигали двадцати процентов. Причем первый ярус считается самым легким – здесь даже офицеров нет...

Часов в десять ярус зачистили, у прохода поставили мощный сторожевой пост, затем люди из Исследовательского отдела муравьями ринулись вниз. Нас к тому времени мало что интересовало. Мы дважды прошлись по всем туннелям: если какой чужак и оставался, парни из охранения справятся

без нас. Все, о чем мы в тот момент мечтали, – это добраться до палаток, где ждали горячая пища и постель. На остальное было наплевать.

Следующий день мы отдыхали. Я отсыпался до часу дня, потом лежал, ничего не делая, слушая перепевы птиц. Обычно животные покидают окрестности Гнезда, но птахи, видимо, посчитали себя рядом с людьми в безопасности. Остальные занимались кто чем: кто-то просто ел и спал, кто-то ходил на речку, играл в футбол. Под вечер, слегка прихрамывая, пришел Пивоварень – его нога почти полностью зажила.

– У тебя же мясо вчера лохмотьями висело, кто тебя подлатал?

– Ты не поверишь: твой приятель Даниил. Меня приволокли в медпункт – он там в это время крутился. Лекари штопать хотели – нитки там, иголки, а он мне говорит: давай, мол, я тебя своими методами полечу, так быстрее выйдет. Ясное дело, давай! Он пальцем мне в шею ткнул, я отрубился – просыпаюсь утром с такой вот ногой. Что Даниил делал, не знаю. Я бы раньше пришел – доктора не отпускали, все поверить не могли. Ногу щупали и чуть ли не в микроскоп изучали.

Похоже, Даниил не хвастался, когда говорил о своих успехах. Надо подробнее поговорить о методике лечения – думаю, если ее освоить, можно самому лечить раненых прямо в Гнезде. Сейчас и поговорить. Новостей от Чижова не приходило никаких, делать было нечего, поэтому я пошел в стан

научников.

– Привет – встретил меня Даниил. – Слушай, как вы можете часами по Гнезду бродить? У меня с первой минуты в голове звенело. До сих пор болит.

– Вопрос привычки. Выучи Пыльный шлем – он снижает воздействие на психику. Ты не занят?

– Нет, я все Гнездо осмотрел, там для нашего отдела ничего интересного. Кристаллов набрал, но такие у нас есть. Сейчас сижу, разбираю. Вы когда на второй пойдете – завтра?

– Еще не знаем: куратор должен сказать этим вечером. – Я перешел к интересующему меня вопросу: – Пивоварень говорил, ты его вылечил?

– Да, подлтал немного. Только ему все равно с неделю нельзя ногу напрягать – мышцы слабые. Так что, скорее всего, на второй ярус без него пойдете.

– Я так и думал. Собственно, я пришел спросить – как ты его лечил. Если возможно, хотел бы сам научиться – хотя бы основам. Такие знания лишними внизу не будут.

Даниил выглядел польщенным. Как человек, влюбленный в свою работу, он мог говорить о ней часами – хороший талант рассказчика позволял ему объяснять сложные вещи простым языком. К счастью, мы оба обладали схожим набором навыков, и Даниил часто просто показывал пример, не тратя лишнего времени на объяснение. После этой импровизированной лекции я поверил в большое будущее «неклассической медицины», как называл ее Даниил. Помимо непо-

средственно исцеления человеческого тела, показанная методика косвенно позволяла развивать различные полезные способности. Даниил, точнее, его старшие коллеги – нашли способ контролировать потоки внутренней энергии, «ци», как они ее называли, и с ее помощью усиливали регенеративные способности клеток. Отсюда прямая дорога к полному контролю за метаболизмом человеческого тела, что для нас, бойцов, означало невосприимчивость к ядам, укрепление мышц и связок, быстрое самоисцеление ран. Увеличение срока человеческой жизни.

– Представляешь, со временем можно будет изменять свой внешний облик, лечить любые болезни, даже наследственные, яды и вирусы перестанут действовать. – Даниил возбужденно жестикулировал, постоянно откидывая назад длинные волосы – Конечно, есть огромная разница между работой со своим телом и чужим – все-таки разная энергетика, – но ты же видел, у меня получается!

Я долго еще мог бы слушать, если бы пришедший от Злобного зов не заставил меня подняться. Уговорившись поддерживать друг с другом связь, мы с юношей расстались.

Вернувшись в палатку, я застал всю группу в сборе. Ребята выглядели посвежевшими: короткий отдых позволил сбросить напряжение, теперь группа вновь была готова штурмовать Гнездо. Практически сразу после меня в палатку вошел Чижов.

– У меня для вас несколько новостей – хороших или нет,

сами решайте. – Он снял очки и потер переносицу. – Во-первых, командование довольно результатами зачистки первого яруса. Вполне естественно: ни одного убитого и всего два раненых. Уже сейчас принято решение создать несколько групп по образцу вашей. Туда войдут маги, то есть псионы, с наполнением оболочки не менее шестидесяти единиц. Я думаю, придет человек пятнадцать, возможно, больше.

Во-вторых, завтра начнется зачистка второго яруса. Научники умоляют очистить его до того же состояния, что и первый, – то есть убрать всех тварей и дать спокойно провести все нужные анализы, опыты или что там им еще нужно. Поэтому сразу штурмовать камеру королевы мы не сможем, придется устанавливать блокаду. Скажите спасибо себе за это решение: сегодняшние действия произвели слишком хорошее впечатление.

Третья новость: завтра вы идете без Иванченко. Врачи не уверены в его окончательном выздоровлении, поэтому пойдете следующими составами: первая группа – Семенов (Студент), Борзов (Ястреб). Вторая группа – Салахутдинов (Палач), Хегг (Плетка). Третья группа – Конюшенный (Злобный) и Коробов (Аскет). Пойдете по отдельности, постарайтесь не напороться на охранников камеры – они будут третьего уровня минимум. Первая группа входит в восемь часов, час на обследование – потом возвращается, вторая в восемь тридцать, тоже один час проводит на ярусе – возвращается, третья ждет первую и только тогда заходит внутрь. Две

группы работают, одна отдыхает. Будьте внимательнее, при возможности помогайте друг другу. Вопросы?..

На следующее утро мы опять пошли вниз. Если в первый раз за нашим спуском наблюдало не так много народа, то сейчас вокруг собралась толпа человек в сорок. Плетка рассказывал: мы пользуемся какой-то нездоровой популярностью. По лагерю бродили странные слухи, и все хотели на нас посмотреть. Студент приволок газету, в которой нас называли мутантами, выведенными учеными специально для зачистки Гнезд, описывали как пришельцев из параллельных миров и тому подобный бред. Газетенку – интересно, о начале операции нам сообщили неделю назад, откуда узнали журналисты? – стремился прочесть каждый, ее зачитали буквально до дыр. Забавно: нас в лагере видели часто, но обычно принимали за спецназовцев, тем более что у моих друзей нашлось множество знакомых в «матерой» части. Меня же почему-то считали офицером ФСБ, не знаю уж почему. Относились соответственно.

На первом уровне царил непривычный для этих мест оживление. Спецназовцы-новички ходили группами в сопровождении более опытных бойцов, которые помогали им привыкнуть к странностям мира Гнезда, ученые носились со странными приборами и коробками, в которых лежали образцы почвы или растений – если это можно назвать растениями, – саперы деловито заканчивали разминирование

туннеля на второй ярус.

– Меня слегка смущает эта картина, – кивнул я на крупнокалиберный пулемет, уставившийся на выход из туннеля. – Вы уверены, что в нас не пальнут на выходе?

– Аскет, не каркай. Не пальнут. – Злобный показал на проход. – Видишь сетку наверху? Ее сейчас опустят, и когда мы вернемся, ребята сначала рассмотрят нас, а потом уже позволят пройти.

– Все предусмотрели?

– Не в первый раз идем. Правда, накладки случаются... – Называется, успокоил.

Наша группа насчитывала шесть человек: я, Злобный, Ринат, Иван первый, Иван второй и парень по кличке Ласка. Мы шли третьими, из-за чего пока сидели и ждали возвращения группы Студента. Я делал показанные Даниилом упражнения, Злобный травил байки про наше обучение. Судя по рассказам, программу составлял не иначе как доктор Менгеле. Так прошел час.

Совершенно неожиданно из туннеля появилась первая группа. Интересно: на таком малом расстоянии я должен был ощутить их присутствие – почему же я ничего не почувствовал? Дело в экранирующих свойствах материала, из которых состоят стены, или в чем-то еще? Студент передал Злобному рисунок маршрута:

– Смотри, мы шли по правой ветке, здесь напоролись на тварюшку третьего уровня, камеры не нашли.

– Хорошо, тогда мы дальше глянем. Аскет, ставь Шлем и Стену.

Идти по уже осмотренному маршруту было легко. Все ловушки сняли перед нами, пару чужаков Злобный заметил и расстрелял издали. Истратил четыре рожка, хотя на стрельбище выбивал десять из десяти: пули в Гнезде летели по странным траекториям. Он предпочитал не тратить понапрасну энергию, поэтому заранее сплел Огненный шар и держал его перед собой в активном состоянии. Минут через десять исследованная территория закончилась, темп передвижения сразу упал, теперь мы двигались медленным черепашиным шагом.

Меня заставило остановиться слабое давление на знак. Если в прошлый раз, когда мы подвергались ментальной атаке, знак буквально трещал от давящей на него мощи, то сейчас словно тяжелый плащ медленно опускался на нашу защиту. Чужак не старался сломать мешающий ему барьер – он просто нас искал и, кажется, нашел.

– Злобный, он приближается. Кто-то опасный.

Злобный кивнул, немедленно сплел Невидимую броню и выдвинулся вперед. Мы стояли в прямом туннеле – впереди Злобный, за ним полукругом я и остальные бойцы. В принципе, моя Воздушная стена может замедлить любую тварь до третьего уровня, Невидимая броня способна и на большее, но риск остается. Как мы различаем уровни у чужаков? Приблизительно, по энергетике. Грубо говоря, аура каждого чу-

жака «светится» в зависимости от его силы: чем ярче «свет», тем опаснее чужак. Но так поступаем мы, бойцы, – ученые разработали более точную классификацию.

Возникшая перед нами тварь с ходу пробила мою Стену, лопнувший знак болью отозвался в голове. Пару секунд я ничего не соображал, потом сознание щелчком прояснилось, в уши ворвался грохот автоматов. Я увидел, как чужак проламывает Броню Злобного. Грудная клетка твари была обожжена, пули барабанили по черной броне, но существо продолжала давить с такой чудовищной силой, что стало очевидно: Злобный долго не выдержит. На осознание этого мне хватило одного взгляда, разум стремительно сплел Смертельный коготь – сильнейший в нашем арсенале атакующий знак, требовавший массу сил и энергии. На тренировках я плел этот знак секунд за пять, сейчас уложился, наверно, в три: подстегнутые страхом гормоны ускорили мое мировосприятие. Я успел ощутить, как Коготь сносит уродливую голову твари, и только потом провалился в обморок.

Привели меня в чувство быстро – тело твари еще подергивалось. Мы со Злобным просто сидели друг напротив друга и пытались прийти в себя, бойцы окружили нас кольцом и всматривались в красноватую темноту поверх прицелов. Наконец Злобный заговорил:

– Сильная тварь. Четвертый уровень, не меньше. На ней знак висел – какая-то защита, файрбол один его бы не пробил. Хорошо, он на меня набросился, не на остальных.

– Наверно, решил сначала убить самого опасного. Атаковал первого держателя знака.

Нам действительно повезло. Сначала Огненный шар ослабил защиту чужака, потом ее добили автоматчики, затем я успел создать Коготь. Если бы тварь набросилась на простых солдат, не пытаясь пробить Броню, все могло бы закончиться иначе.

– Ты как? – Злобный наплевал на инструкции, стащил противогаз и вытер бежавшую из носа кровь.

– Нормально. У меня снесло оба знака, после новой постановки останется где-то сорок семь-сорок восемь единиц.

– У меня осталось около шестидесяти. Я вот что думаю... – Он потер лоб, пытаясь сосредоточиться. – Тварь такой силы, скорее всего, охранник. То есть проход в камеру недалеко. Мне рисковать не хочется, охранники по одному не стоят, поэтому вот что мы сейчас сделаем. Навешиваем Броню, Стену, Шлем и очень-очень медленно ползем вперед. Если там найдется еще один такой танк, отступаем. У нас еще минут двадцать до точки разворота – залезем в какой-нибудь боковой туннель, пошарим в нем. Потом вернемся, доложим. Наверняка на оставшихся стражников пошлют все три группы: одним идти опасно.

Я пожал плечами.

– Три знака одновременно держать сложно, наша чувствительность сильно упадет. Лучше держи одну Броню – так надежнее.

Спустя пару минут мы вновь ползли по туннелю. Я держал сразу три знака, Злобный нес только Броню. Я ощущал, как он настороженно «вслушивается», иногда щупальца его сознания касались и меня. Мы все ближе подходили к большой пещере, в которой, по нашим предположениям, мог оказаться проход в королевскую камеру, постепенно шаг замедлялся. Напряжение достигло такого уровня, что я жаждал встретить любую тварь – какую угодно, лишь бы избавиться от выматывающей неопределенности. Поэтому когда Злобный внезапно остановился и поднял руку, я вздохнул с облегчением:

– Что там?

– Хрен знает. Там точно кто-то есть, метров двадцать пять вперед. Слишком далеко, ничего не понять – может, четвертый уровень, может, первый, надо ближе подойти. Ты чувствуешь что-нибудь?

– Нет.

– Ладно, двинулись.

Прошагав еще немного, Злобный остановился:

– Все, дальше не пойдем. Это четверка, я чувствую. Поворачиваем.

– Подожди. – Я ощутил прикосновение к щиту чужого сознания. – Он нас видит.

Мы замерли, готовясь к нападению, но тварюга сидела на месте. Минут пять прошло в ожидании, затем Злобный зашевелился:

– Тварь точно нас видит?

– Я чувствую, как она давит на Шлем. Она может не знать, кто конкретно перед ней, но чье-то присутствие определяет точно. – Я помолчал, потом добавил: – Ты ощущаешь над ней знак?

– Да, какой-то незнакомый.

– Мне кажется, она ждет, когда мы подойдем поближе, и тогда ударит.

Можно было вернуться, но у нас по-прежнему не было уверенности в том, что королевская камера рядом. Этот чужак вполне мог оказаться просто высокоуровневой тварью, а не охранником. Конечно, способность использовать знаки характерна для «офицеров», однако странное поведение могло указывать на медлительность и неуверенность в своих силах, обычно чужакам не свойственную. В конце концов Злобный выругался и приказал:

– Усишь Стену до максимума. – Сам он принялся накачивать энергию в Броню.

– Что ты намерен делать?

– Подберусь поближе и пальну из подствольника – посмотрю на реакцию.

Стрелять в подземельях Гнезда сложно не только потому, что видимость не превышает четырех-пяти метров. Как я уже говорил, пространство ведет себя странно: прямая здесь не является кратчайшим расстоянием между точками. Стреляя с дальней дистанции, ты можешь быть уверен в промахе.

На стороне Злобного играли его пси-способности, но шанс попасть в цель все равно был маловат.

Мы залегли, Злобный, сделав пару шагов вперед, выстрелил гранатой. Осколки хлестнули по Стене, в ответ ярко полыхнувший чужой знак отозвался в моей голове резкой болью.

– Что это было? – В глазах стояли цветные круги.

– Он пальнул каким-то лучом, Стенку просто снесло. Хорошо, что промазал, Броня могла не выдержать. – Злобный залег рядом, тварюга сидела на прежнем месте. – Ну что, уходим? Против того парня надо две Стены минимум и Броню, тем более, время заканчивается. Вернемся к переходу, возьмем еще одну группу, прикончим тварь – и сразу на отдых.

Обратный путь занял минут двадцать, на смене в это время стояла группа Палача. Изначально предполагалось, что группы будут проводить на втором ярусе около часа, но реальность вносила свои коррективы – выходило часа полтора. Наше предложение пришлось Палачу по вкусу. Установить местоположение перехода на следующий уровень значило сделать самую сложную работу, заминируй проход – и приток тварей из королевской камеры прекратится. Если оставшийся офицер действительно был стражником, одолеть его в одиночку сложно, а вот две команды управятся без труда.

Вернулись, залегли на том же месте, где нас застиг выстрел чужака.

– Ну что? – Палач посмотрел вперед и скривился. – Как валить будем?

– А что тут думать? Ставим три Стены, накачиваем Броню до максимума каждый, идем вперед, когда Аскет рубанет Когтем, закидаем гранатами. Или огоньку метнем – сами решайте.

– Нельзя. – Возможно, мои аппетиты растут, но я считал возможным рискнуть. – Потеряем знак.

– В каком смысле? Стенки снесет, конечно, но Броня-то выдержит.

– Нет. Тот знак, которым пользуется чужак.

Мои друзья взяли паузу осмыслить предложение. Люди научились оперировать шестью знаками, каждый из которых был добыт чисто случайно. Добыли. Добыли дорогой ценой. Я предлагал осознанно попытаться скопировать еще один знак – задача пусть сложная, но выполнимая. Приблизительная сила используемого чужаком знака оценивалась нами как равная Смертельному когтю: он мог бы сильно пригодиться. Не говоря о том, что ученые нам за такой подарок по гроб жизни благодарны будут.

Словом, существовали веские основания попытаться получить знак, однако против этого предложения давили две более чем серьезные причины. Первая заключалась в том, что мы не знали, как скопировать знак: нас не учили такому. Даже в теории. Вторая заключалась в самой твари – не собирается же она просто сидеть и смотреть на вражеское мель-

тешение.

Тем не менее, идея нашим понравилась, они сразу оценили ее перспективы. После некоторого размышления, своеобразного мозгового штурма, был разработан следующий способ. Довольно рискованный, однако ничего умнее тогда нам в голову не пришло. Я, Злобный и Плетка ставили Стены, насыщая их энергией до максимума, и прикрывали ими Палача, который в Невидимой броне подходил как можно ближе и старался разглядеть во всех подробностях творимый чужаком знак.

Первая попытка окончилась весьма болезненно: все три Стены оказались пробиты, луч твари застрял только в Невидимой броне. Палач, естественно, не смог запомнить знака – это сложно сделать и в идеальных условиях, когда же на тебя направлена чужая атака... Нам еще дважды пришлось ставить Стены, прежде чем тварь стала выдыхаться. Теперь она вкладывала меньше энергии в свои атаки, и Броня Палача с легкостью отражала их. Сопровождающие бойцы смотрели на наши действия с легкой оторопью: услышанные объяснения не убедили их в необходимости подставлять свои шеи ради «не пойми чего». По-моему, они посчитали нас ненормальными. У меня и Злобного совсем закончились силы, оболочка истощилась почти полностью, когда Палач наконец-то сказал, что закончил. Мы отступили и стали наблюдать, как он пытается впервые создать новый знак.

Дважды знак «срывался», и Палачу приходилось начинать

строить его заново. Слава богу, срывы не принесли никакого вреда. В конечном итоге странная призрачная конструкция зависла между его ладонями.

– Ты уверен, что он должен быть таким? – В голосе Злобного слышался скептицизм. – Как-то он не похож на те, что мы уже знаем.

– Сейчас проверим. Давайте, ставьте Стены в последний раз.

И мы, и наш враг кинули знаки одновременно. Как и в предыдущие разы, луч чужака прошиб наши барьеры и, ослабев, остановился, не дойдя до Палача. Результат действий Палача выглядел куда более впечатляющим: из комка энергии на его ладони вырвался яркий белый луч, насквозь пронзивший щиты и броню твари. Тело ее задергалось в конвульсиях, но после одного Огненного шара затихло. Видя, что она не подает признаков жизни, мы приблизились и смогли рассмотреть, кто нас так сильно измотал.

Чужак внешне напоминал бронированный конус без признаков каких-либо органов чувств – просто каменная глыба, и все. В середине его зияла дыра, из которой вытекала тонкая струйка тягучей жидкости. Файрбол попал внутрь раны и сжег внутренности, но странная жидкость продолжала сочиться и не собиралась высыхать.

К сожалению, мы не смогли в полной мере насладиться моментом своего триумфа, потому что валились с ног от усталости. Кроме того, труп сильно вонял – запах чувство-

вался даже сквозь фильтры маски. Неподалеку обнаружился вход в королевскую камеру: убитая тварь действительно оказалась охранником. Мы были сильно измотаны. Единственное, на что нас хватило – это заминировать выход из камеры и устало доплестись до перехода на первый ярус. Там мы обнаружили группу Студента, которая не успела отдохнуть, но все же была в лучшем состоянии, чем мы. Сразу после нашего доклада Студент и Ястреб отправились сторожить заминированный выход, Палач стал демонстрировать новый знак набежавшей туче ученых, остальные поднялись на поверхность. У нас появился примерно час на восстановление. Потом опять придется идти вниз: зачистка яруса еще не закончена.

Короткий отдых не восстановил сил, но выбора не было: пришлось продолжить штурм. Надо как можно скорее зачистить второй ярус, чтобы отдать его на разграбление ученым и избавить группу Студента от угрозы с тыла. Нам оставалось зачистить процентов пятьдесят территории. Самые сложные места мы уже прошли, поэтому – при удачном раскладе – мы надеялись управиться часа за два. В реальности вышло немного больше: наша группа напоролась на чужака третьего уровня, сумевшего спрятать свою ауру и таким образом замаскироваться от наших чувств. Одному из бойцов разорвало бедро, и пришлось возвращаться. Всего на втором ярусе было ранено пятеро человек – ничтожно ма-

ло по меркам предыдущих штурмов, и все псионы получили истощение оболочки. Поздней ночью мы второй раз прошли по всему ярусу, убедились, что он очищен от чужаков, и устало поплелись в лагерь.

За все время, проведенное в Гнезде, мне ни разу не пришлось выстрелить из автомата – все время я работал либо магией, либо мечом. Уже во время штурма первого яруса стало ясно, что программа обучения изменится, и сильно. Например, сократится время физической подготовки, больше внимания станут уделять знакам. Надо попросить Исследовательский отдел разработать методику быстрого запоминания знаков, поучиться у Даниила магическим методам лечения – словом, много всего.

На следующий день ребята разбрелись по знакомым, мне идти было некуда, и я сел разучивать новый знак. Меч света – так его обозвали научники – отличался от Смертельного когтя простотой в исполнении, однако и затрат энергии требовал больше. К моему удивлению, скоро стали собираться и остальные из нашей группы – лица у них были хмурые, как будто случилось что-то неприятное. Ястреб и Злобный поцапались с бывшими сослуживцами, Плетка попал в нежные объятия Исследовательского отдела: его заставили принимать участие в каких-то экспериментах, – Пивоварень переживал, что вчерашний штурм обошелся без него. Палач и Студент не распространялись о причинах своего плохого настроения, но были необычно молчаливы.

– Возможно, я вмешиваюсь не в свое дело... – Интуиция говорила мне, что происходит что-то неладное, дело не в цепи совпадений. – Но не могли бы вы объяснить мне, чем именно вы недовольны? Конкретно каждый.

– Думаю, что скажу сразу за всех, – неожиданно подал голос Студент. – Ты, Аскет, сегодня по лагерю не ходил, поэтому не видел, как люди смотрят на нас. Атмосфера лагеря изменилась. Здесь в основном собраны бойцы – люди опытные. Некоторые уже Гнезд пять прошли. Новички – тоже профи, не в одной горячей точке воевали. Им сказали: есть враг, с которым надо драться, враг сильный, опасный. Ты знаешь, как мы раньше ходили на штурмы? В первой волне шло не меньше взвода, всего в операции участвовала минимум рота. Потери были огромными. В Оймяконе до сих пор есть четырехуровневое Гнездо, самое большое в стране, штурмовать его начинало две тысячи человек. Взяли три яруса, потеряли половину людей, сейчас все, что мы можем, это не пускать тварей из глубины на поверхность. Таких потерь не было даже в Чечне.

Люди шли в Гнездо, зная, что больше некому, и вернуться шансов мало. При самом благоприятном раскладе погибал каждый пятый – мы уже смирились с потерями. И вот приезжают семь каких-то пацанов, берут группу поддержки и *без потерь* зачищают два яруса. Это хорошо, здорово, замечательно! Теперь не надо самим идти вниз, не надо рисковать своей головой. А с другой стороны, кто мы такие? Зна-

комые парни, от которых теперь неизвестно чего ждать. Люди не понимают, с чем столкнулись. В Гнезде все просто – вот враг, его надо убить, а мы? Что мы можем? Если мы всемером почти зачистили Гнездо, то что будет, когда нас станет больше? Они благодарны нам, но они боятся.

К тому же, им обидно. Они проливали кровь, надрывались, теряли друзей, потом пришла маленькая кучка людей – и с легкостью сделала их работу. Да, мы-то знаем, чего нам стоит эта «легкость», но постороннему же не объяснишь.

Есть и другая крайность. Представь: во время разговора с кем-то знакомым вокруг тебя медленно появляются люди, их становится все больше, они рассматривают тебя блестящими глазами, слушают разговоры. Ты пытаешься понять, чего им надо, спрашиваешь об этом... Короче, в основном это ученые, для которых ты – что-то вроде призового хряка, но есть и единичные случаи отношения иного рода. На меня некоторые смотрели так, словно я ангел, спустившийся с неба карать нечестивых. Поверь, такое поклонение очень быстро надоедает и начинает пугать. – Студент устало потер лицо. После его рассказа в палатке установилась напряженная тишина.

– Я полагаю, это временно: скоро первоначальный эффект пройдет. Наши кураторы наверняка уже заметили изменения в поведении окружающих и что-нибудь сделают. Скорее всего, расскажут подробно о наших возможностях – так сказать, проведут разъяснительную работу. Но сейчас ходить по ла-

герю... неприятно. Если не веришь, сам попробуй.

Чтобы убедиться в правдивости его слов, мне не потребовалось обшаривать лагерь. Едва я вылез из палатки, как сразу почувствовал чужое наблюдение. На меня смотрели с разными эмоциями, все время короткой прогулки я находился в центре внимания окружающих. Требовалось мнение постороннего наблюдателя. На такую роль подходили двое – Чижов и Даниил. Чижов о чем-то ругался со штабными, Даниил с утра пропал в Гнезде – на втором ярусе он нашел нечто вроде травки с интересными способностями. Слово «травка» плохо описывало это полуживотное-полурастение, но воздействие вызывало действительно наркоманское.

Согласно инструкции, вход в Гнездо без сопровождающих, числом не менее пяти человек, был строго запрещен, однако при виде меча у бедра часовые не сделали никакой попытки задержать меня. В принципе, они всегда могут сказать, что я вошел вместе с учеными, они прошли незадолго до меня... И тем не менее. Так я и ходил, искал Даниила, пока не нашел его в дальнем коридоре, проделывающего странные манипуляции над комком чего-то скользкого.

– Ты уверен, что эта штука не ядовита? – Руки у него были без перчаток.

– Не, все проверено. Наоборот, она стимулирует энергетику. Кусок такой проглотил – и можешь три дня не есть. Если не стошнит, я имею в виду. Потом, правда, придется отъедаться сильно. Хочешь, попробуй.

Он протянул мне «ничто», но рука застыла в воздухе. Едва войдя в Гнездо, я окружил себя Невидимой броней. При штурме я бы навесил еще и Пыльный шлем, но этот знак снижает чувствительность, слабые же ментальные воздействия уцелевших чужаков мне не страшны.

– Спасибо, воздержусь. Вообще-то я хотел с тобой поговорить, но разговор потребует некоторого времени. Ты скоро освободишься?

– Да я почти закончил. Что-то случилось?

– Пока что нет. Мне просто нужен взгляд со стороны.

Парень пожал плечами:

– Давай пройдемся ко входу в камеру, по пути можем поговорить. – Он оглядел остальных в своей группе. – Сейчас узнаем, кто здесь закончил, возьмем сопровождение – и пойдём.

– Я поговорю с охраной, понаблюдай за разговором.

Я подошел к командующему охранением лейтенанту:

– Прошу прощения. – Навыки гражданской жизни до сих пор не вытравились из меня, разговаривать по уставу никак не удавалось. – Вы не могли бы выделить нам пару бойцов дойти до поста? Остальные ученые еще долго будут заняты, а нас поджимает время.

– Пару бойцов? И что вы будете делать, если напоретесь на какую-нибудь затаившуюся тварь с этой парой бойцов?

– Попрошу их помочь, если потребуется.

Офицер только сейчас заметил, как я одет, и пристегну-

тый к поясу меч. Челюсти его сжались:

– Я не могу выделить вам людей, а передвигаться без сопровождения запрещено. Подождите, пока соберется еще несколько человек.

Я кивнул и отошел в сторону: дальше продолжать разговор не имело смысла. Полагаю, Даниил видел достаточно. Он тоже псион, должен заметить – аура у лейтенанта полыхала достаточно красноречиво.

– Что ты скажешь о реакции лейтенанта?

– Нормальная реакция, я бы тоже тебе отказал. Если с каждым, кто хочет уйти, отправлять сопровождение, у него подчиненных не останется. Отправлять-то надо минимум пятерых. В конце концов, приказ есть приказ.

– С этим я не спорю. Меня интересует иное. Ты обратил внимание, как он отреагировал, когда узнал, что я псион, зачищавший этот ярус?

– В народе вас называют ведьмаками. Вообще всех псионов – магами или колдунами, а вас ведьмаками. Я понял, о чем ты. – Даниил постоял, обдумывая увиденное. – Это типичная реакция?

– Не совсем. По словам моих друзей, при общении заметна либо скрытая агрессия, либо той или иной степени экзальтированный восторг. Представители вашей братии склонны видеть в нас инструмент, или творение, но не относятся к нам как к личностям. Мне не доводилось ощущать на себе такое отношение, но подозреваю, что быть в глазах окружа-

ющих одушевленным Терминатором неприятно.

– Не знаю, что тебе посоветовать. – Даниил пожал плечами. – Я же не психолог. Мое отношение к тебе не изменилось – я и раньше знал, что то Гнездо для тебя не последнее, как бы ты ни говорил. Поэтому если поговорить захочешь, заходи.

– Приятно слышать. У меня есть к тебе просьба: понаблюдай за людьми – за тем, как они на нас реагируют. Возможно, мы ошибаемся и ничего страшного не происходит. Я зайду к тебе, когда все окончится: поделись своими выводами. И еще. Твои методы лечения заинтересовали наших. Возможно, стоит попросить кураторов ввести тебя в состав преподавателей. Что скажешь?

– Да ну, – засмутился Данил, – какой из меня преподаватель!

– Единственный, известный мне. Возможно, среди твоих старших коллег есть более опытные, но мы видели твою работу – тебе мы доверяем. Обдумай. Что ты собираешься делать у камеры?

Мое предложение слегка вывело парня из равновесия, но я действительно считал, что знания полевой медицины могут пригодиться. Если остальные из нашей группы имели какие-то знания из этой области, то я мог разве что бинт наложить.

– Хочу осмотреть ту тварь, что вы последней завалили. Ты знаешь, чужаки ведь могут исцелить рану любой сложности,

нанесенную холодным оружием или пулями.

– Впервые слышу. Нам поэтому рекомендуют использовать огнеметы?

– Ну, в общем, да. Я хочу посмотреть, как «офицеры» переносят воздействие псионики, регенерируют повреждения от знаков или нет. Расскажи, как ее завалили?

Пришлось поведать эпопею с получением знака. Даниил покивал, но было видно: он не совсем понимает, зачем мы так напрягались. Исследовательский отдел разделился на два лагеря, жестоко высмеивавших друг друга – «заклинателей» и «дроздов». «Заклинатели» утверждали, что использование знаков более перспективно, они обладают большей мощностью, и хорошо обученный маг одними только знаками способен уничтожить любую тварь. Всего-то надо решить несколько проблем – малое количество известных знаков, отсутствие методики «прокачки» оболочки, неспособность магов использовать знаки выше первого уровня и прочее – и в Гнезда можно будет на прогулку ходить. Этот лагерь пользовался особой любовью военных.

«Дрозды» изначально называли себя сторонниками натуралистической теории развития экстрасенсорного восприятия. Они полагали, что упор следует делать на экстрасенсоорику – развивать те таланты, которыми обладают все представители человечества, вне зависимости от уровня наполнения оболочки. Эмпатия, телекинез, ускоренная регенерация, ускоренный метаболизм и другие способы контроля за соб-

ственными телом и сознанием относились ими к самым перспективным направлениям развития псионики. Конечно, непсиону требовалось намного больше времени для овладения базовыми навыками, зато в перспективе можно получить нацию слабеньких магов. Пусть и не способных овладеть знаками. Достоинств у этой теории более чем достаточно, но отсутствие моментальных результатов существенно ослабляло позиции «дроздов» в глазах руководства. Уничтожить Гнезда надо было сейчас, и ресурсы для долгосрочных направлений выделялись по остаточному принципу. Впрочем, после раскочеривания Вторжения все могло измениться.

Постепенно сторонников натуралистической теории злопыхатели переименовали в «натуралистов», затем они стали «юными натуралистами», потом они стали «детьми Дроздова» – вспомните «В мире животных», – и в конце концов остановились на «дроздах».

На мой взгляд, истина где-то посередине. Мы ищем чужаков с помощью экстрасенсорики, но убиваем их, используя знаки. Даниил лечил Пивовареня, стимулируя регенерацию тканей, однако энергию брал из собственной оболочки. Знаки более эффективны и не требуют многих лет изучения – я говорю о низшем уровне, – зато методики «дроздов» доступны любому человеку с самыми слабыми способностями.

За разговором мы дошли до поста у входа в королевскую камеру. Разлагающуюся тушу твари с помощью лебедки отодвинули подальше от тоннеля, возле нее суетилась куча лю-

дей. Было невозможно разглядеть, как именно укреплена позиция спецназовцев, хотя мои чувства фиксировали большое скопление металла перед входом в камеру. Надо позднее расспросить Студента, как обычно штурмуют камеры. Много времени ученым не дадут, но скоро придет наш черед.

– Сначала в камеру посылается боец, который бросает пару гранат. Из камеры начинает лезть вся мелкая шушера, первый и второй уровень, обычно штук тридцать, но бывает и больше. Их расстреливают из пулеметов: у входа четыре штуки стоят. Потом вниз спускается отряд. У королевы всегда есть свита – в нашем случае это два-три офицера пятого, может, шестого уровней. Сам понимаешь, сколько людей они могут положить. – Студент заложил руки за голову. – Первые десять человек – это смертники. Я не помню случая, чтобы кто-то из таких пережил два штурма. Поэтому завтра вниз пойдем мы: семерых должно хватить. Вот и все.

Пивовареня допустили до участия в операции, группа снова была в полном составе. У нас еще оставалось несколько часов на отдых, затем – последний рывок, и все. Гнездо будет уничтожено, после смерти королевы все ярусы, за исключением первого, исчезали. Ученые утверждали, что Гнездо существует не в нашем пространстве – где именно, объяснить не могли. Со временем выяснят: люди слишком настырная раса, чтобы оставить без ответов свои вопросы.

Вновь темно-красный провал туннеля. Я держал сразу три знака – Пыльный шлем для всей группы, Броню на себе и Огненный шар. Невидимая Броня висела на каждом из нас, кроме того – Пивоварень и Студент держали две Воздушные стены. Остальные держали наготове Смертельный коготь. Против офицеров использовать Шары имеет смысл только при снятой защите. Спецназовцы заканчивали расчистку завала из трупов чужаков, хлынувших из перехода пять минут назад. Сначала в камеру войдем мы, через пять минут пойдут остальные бойцы.

Все, пора.

Сразу после того, как мы прошли через проход, на меня навалилась такая тяжесть, что в глазах потемнело, и я начал судорожно хвататься за стену. Потребовалось время, чтобы напичканный стимуляторами организм начал воспринимать отдельные куски реальности. Извивающаяся на полу туша чужака, разрубленная пополам вдоль позвоночника. Пивоварень всаживает в рану Шар. Отлетающее в сторону тело Ястреба. Студент всаживает меч в худую тварь и проворно отскакивает в сторону. Палач бросает Меч света в медленно ползущего навстречу чужака, в глазах стремительно проясняется, и я с удивлением замечаю, что из всех знаков каким-то чудом удерживаю только Пыльный шлем. И совершенно не имею представления, когда потерял остальные.

Из королевской свиты уцелел один офицер: вокруг него стремительно кружили Студент, Плетка, Злобный и Пивова-

рень, с трудом удерживая его на месте. Ястреб неподвижно лежал у стены – судя по ауре, он потерял сознание. Палач добил свою тварь и повернулся к оставшейся, плетя Воздушную стену. Заметив, что я формирую Коготь, он крикнул:

– Не атакуй, на нем Зеркало, – и набросил Стену на Плетку.

Оставшийся офицер был прикрыт от псионических атак и отличался высокой скоростью движения. Моих друзей спасало то, что Студент с самого начала успел подранить его гранатой, и численное превосходство. Я накинул Броню и ринулся на помощь. Вшестером мы буквально порезали чужака на куски – прочнейший хитин не помог.

Как потом мне сказал Студент, вся схватка заняла минуты две. Едва войдя в камеру, мы напоролись на первого офицера, который не успел ничего сделать: Палач и Плетка сразу ударили Когтями. Ястреб бросил свой Коготь на следующего чужака, но тот отразил знак Зеркалом, а магические атаки тварь игнорировала. Ответная атака зеркальника снесла обе Воздушные стенки, Студент и Ястреб пытались блокировать его. Ястреб подставился и получил щупальцем, но спасла Броня. В это время Палач заметил, что меня атакует третий офицер – судя по всему, какой-то телепат. Ослабленный Пыльный шлем держался из последних сил, и долго мне было не протянуть. Злобный приласкал чужака Когтем, снес защиту и нанес неглубокую рану, Палачу пришлось добивать чужака.

Зеркальник отправил Ястреба в госпиталь минимум на месяц, разодрал бедро Палачу, сломал руку Студенту. Все могло закончиться намного хуже – не обучи нас работе в группе против одного, как раз на такой случай. Никакие стимуляторы не помогли бы. Зато сейчас медики хлопотали над раненым Ястребом, мы же сидели и устало смотрели на десятиметровую тушу королевы, лежащую у дальней стены. Возле нее суетилась огромная толпа – ученые, их охрана, – а королева неподвижно лежала, и было неясно, заметила ли она вообще наше присутствие. Я только сейчас почувствовал рядом Чижова.

– Павел Сергеевич. Что теперь?

– Ястреба и Палача отвезут в клинику, вас осмотрят – и домой. – Чижов присел рядом. – Ученые в очередной раз попробуют установить контакт с королевой – у них опять ничего не выйдет. Тогда из камеры заберут все, представляющее хоть какой-то интерес, королеву убьют, Гнездо к вечеру исчезнет, и операция будет считаться успешно выполненной. Все. Идите наверх, ребята.

Мы собрались возле вертолета, готовые к отправке на базу. За два дня, прошедшие с момента ликвидации Гнезда, лагерь сильно изменился: большую часть оборудования вывезли, снова заработала связь, палаточный городок потихоньку сворачивался. Лежа на траве, Пивоварень вслух предавался мечтам:

– Отпустят в увольнение – пойду в ресторан и наемся от пуза. Надоела столовская пища, хочу вкусной еды, чистую скатерть, официанта, музыку тихую. Красивую девушку за соседним столиком.

– Я тоже хочу красивую девушку, – это Злобный, – только не за соседним столиком. Поедешь в город – скажи мне. Аскет, ты что сделаешь, когда вернемся?

– Поклонюсь Котельникову. В ноги.

Злобный расхохотался:

– А потом?

– Не знаю. Мне надо в Питер съездить.

– Вряд ли получится, – вмешался Студент. – На пару дней с базы отпустят, но не больше. Будем писать отчеты, Исследовательский отдел наверняка уже приготовил нам отдельную камору с ручкой и кипой бумаги.

Мы были счастливы. Можно спокойно сидеть среди друзей, разговаривать ни о чем, предаваться несбыточным мечтам, зная, что никто не прибежит и не пошлет тебя в пекло, что все живы, впереди отдых. Даже предстоящая нудная и неинтересная работа не смущала – напишем, что начальство требует. Дикие тренировки начнутся позже: сейчас можно просто лежать и ни о чем не думать.

– По идее, должны медаль какую-то дать, – подал голос Плетка.

– На хрена нужна эта медаль? – фыркнул Палач. – Главное, живы остались.

– На территории России сейчас восемь Гнезд – две четверки, две тройки, остальные двухъярусные. – Студент рассуждал вслух, лежа на диване. – Мы недавно снесли одно, поисковики сразу нашли новое на Туре. Чижов обмолвился – темп роста численности Гнезд растет, значит, если сейчас прирост одно в месяц, в следующем году будет два в месяц, и что в конце концов? Посылать простых людей бессмысленно: потери слишком велики. Значит, надо использовать псионов. Раз так, спускаться на зачистки мы будем все чаще и чаще, начнутся потери. Что бы вы сделали на месте нашего мудрого начальства, а?

Разговор начался после недели отдыха, выделенной нам «за успешно проведенную операцию». Сергачев десять минут назад сообщил нам, что хорошего понемножку, расслабляться не надо, через две недели полетите под Усть-Салду штурмовать Гнездо. Научники заметили начальные признаки образования третьего яруса – нужно зачистить его как можно быстрее. В дальнейшем, по его словам, наша жизнь войдет в строгий ритм – приблизительно неделя на зачистку, неделя на отдых, две недели на подготовку. Мы собрались в комнате отдыха обсудить новость.

– Ясное дело, нужны новые бойцы. – Плетка сосредоточенно разглядывал корзинку с яблоками, выбирая, какое покуснее. – Завтра приезжают – первая группа, восемь человек. К концу недели все подтянутся – еще две по восемь и

одна семья. Говорят, есть одна девушка.

– Ну и на хрена она нам нужна? Не кино снимаем – баба в отряде железно приносит неприятности, мужики беситься начинают! – Злобный эмоционально взмахнул рукой и выругался. – Аскет! Ты чего Броню навесил, не в Гнезде же!

– Тренируюсь. Я теперь всегда ее держу. – Я увидел зарождающийся в глазах вопрос и поспешил ответить заранее:

– Да, даже там. Изнутри все проходит.

– А спишь как?

– Сложно, но можно. Со временем привыкаешь.

Сразу после возвращения нас заставили написать отчет – по свежим впечатлениям. Особенно Чижев просил указать, какие именно недостатки есть в методике обучения, и что нам хотелось бы изучать дополнительно. Я указал на способность некоторых чужаков прятать свою ауру, просил ввести курс первой помощи – желательно по наработкам Даниилова отдела – и увеличить число тренировок, связанных с удержанием знаков. Не знаю, какие конкретно изменения внесут в программу обучения новичков, но шевеление среди инструкторов было.

– Не отвлекаемся от темы, – попросил Студент, – не то мысль уйдет. В связи с появлением в отряде новых членов лично у меня возникают два вопроса. Первый: откуда взять необходимое количество людей с подходящими данными? Второй: кто станет их учить? Я что хочу сказать – к нам берут людей с наполнением шестьдесят или выше: брать с мень-

шим не имеет смысла. Людей с сильной оболочкой не так много. К тому же нас полгода гоняли, новичков, я думаю, будут не меньше. Где найти нормальных инструкторов?

– Не тяни, – поморщился сидевший в уголке Палач. – Ты всегда так: сначала сам обдумаешь вопрос, потом с нами советуешься. Говори сразу – что решил?

– Ну, не то чтобы решил. Я так рассуждаю: наверху не глупые люди сидят. Они сразу увидели, что от псионов любой силы будет польза. Пусть не ясно какая, но польза. Поэтому они начнут прогонять через Гнезда максимальное количество людей, чтобы те получили наши способности. Попутно станут искать способ увеличения оболочки. Это позволит со временем получить большое количество бойцов, способных без крупных потерь убивать чужаков. Неделю назад через Гнездо прогнали батальон – в следующий раз будет не меньше. Вот увидите, со временем в недочищенные Гнезда экскурсии организовывать будут! – Увидев наши недоверчивые улыбки, он поправился: – Хорошо, не экскурсии, только приглашать посторонних людей точно будут. Журналистов, ученых, да мало ли кого. Гринписовцев каких-нибудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.